

АДВОКАТСКИЕ ХРОНИКИ ГАРРИ ПОГОНЯЙЛО

Мемуары, документы, публикации

Смоленск — Вильнюс
2013

УДК 323(476)(092)
ББК 66.3(4Бел)6
П43

В книге использованы фотографии из личного архива Гарри Погоняйло

Адвокатские хроники Гарри Погоняйло: Мемуары, документы, публикации / сост. Н. Андреев. — Смоленск — Вильнюс, 2013.

Эта книга — об известнейшем белорусском адвокате и правозащитнике Гарри Погоняйло. Родившись в сталинском ГУЛАГе, он с юности избрал своей профессией юриспруденцию. Был судьей, работал в Министерстве юстиции, стал первым президентом Союза адвокатов независимой Беларуси, с 1997 г. — в Белорусском Хельсинкском Комитете. Участвовал в разработке Закона «Об адвокатуре» и Конституции 1994 г. Был адвокатом (или общественным защитником) в громких процессах 1996–2002 гг. — по делам С. Адамовича, Ю. Бандажевского, Т. Винниковой, В. Кебича, А. Климова, П. Козловского, А. Саманкова, В. Старовойтова, М. Чигиря, П. Шеремета и Д. Завадского.

Подготовленная к 70-летию Гарри Погоняйло книга включает его воспоминания и архивные материалы, значительная часть которых публикуется впервые.

УДК 323(476)(092)
ББК 66.3(4Бел)6

© Погоняйло Г., 2013
© Андреев Н., составление, примечания, 2013

СУДЬБА ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА — ЧАСТЬ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Я очень рад тому, что теперь многие люди услышат правдивый голос, искреннюю интонацию Человека, узнают от него о важных событиях, которые в той или иной степени определили наше сегодняшнее время.

Гарри Погоняйло — одна из самых ярких личностей, с которыми мне приходилось встречаться. Человек с необычной жизненной историей, добившийся очень многого. Он сделал себя сам, как любят говорить американцы.

В его судьбе тесно переплелось личное и общественное. Если в детстве волей случая, то в зрелости — целенаправленно Погоняйло был, что называется, в гуще событий. И не просто был. Рождение в лагере, детдомы, борьба за выживание в том жестоком мире удивительным образом дали стержень, воспитали упорство в достижении цели, и, главное — человеческое достоинство, которое Гарри Петрович несет и отстаивает во всех жизненных ситуациях.

В молодые годы выбрав профессию юриста, Гарри Погоняйло стал успешным судьей и в перспективе мог сделать карьеру чиновника Министерства юстиции. Но потом он по-иному реализовался в профессии, добившись заслуженной известности именно на адвокатском поприще, помогая людям защищать свои права и противостоять государственной машине.

В интереснейшие, исторически значимые перестроечные годы, будучи руководителем отдела адвокатуры Министерства юстиции, Гарри Погоняйло участвовал в процессах реформирования правовой системы и института адвокатуры.

В независимой Беларуси уже в роли адвоката Гарри Петрович продвигает идеи адвокатского самоуправления, становится у истоков Союза адвокатов и избирается его президентом. Принимает участие в создании Конституции Республики Беларусь 1994 года, активно добивается внедрения и исполнения международных стандартов прав человека в белорусской юриспруденции.

В качестве адвоката или общественного защитника Гарри Погоняйло участвовал практически во всех громких политических судебных процессах. Его задачей была и остается не только непосредственная защита людей от произвола, но и предотвращение деградации правовой и судебной системы, использования ее в репрессивных целях.

Судьба этого человека — часть новейшей истории Беларуси.

Гарри Погоняйло

Писать о нем легко, потому что Гарри Петрович — человек яркий и многогранный. При многих заслугах и регалиях, он умудрился сохранить ровный и очень дружелюбный характер, легкость в общении, в том числе и с посетителями общественной приемной Белорусского Хельсинкского Комитета, которые находятся в очень непростых жизненных ситуациях.

Гарри Петровича выделяет не только яркий юмор, но и не менее яркая самоирония, что присуще лишь действительно уверенным в себе людям. Он всегда готов пошутить над своими казусами, с юмором воспринимает и чужие ошибки. И также всегда готов дать отпор обидчикам, особенно если это чиновники и представители госорганов.

Гарри Петрович щедро делится своим опытом, а его подход к ведению дел как в адвокатуре, так и в правозащите — лучшая школа для молодых юристов. Скрупулезное внимание к любым мелочам, готовность «пахать» на всех стадиях процесса, умение вычлнить суть в сложных перипетиях запутанных дел, огромное трудолюбие, безусловно, достойны подражания. В работе над очередным делом Гарри Петрович не устает поражать своей способностью к неизбитым, оригинальным подходам и трактовкам, которые были бы просто невозможны без опоры на глубокие теоретические познания. И он всегда стремится утверждать высочайшие стандарты понимания роли юридической профессии в обществе.

К сожалению, сегодня в нашем обществе роль юристов нивелирована, и сами носители этой ответственной и почетной профессии зачастую соглашаются с ролью клерков-оформителей заказных решений. Белорусская правовая система построена на вульгарно позитивистском отношении к праву, когда его применение основывается на букве и совсем не учитывает дух закона. Поэтому у юристов нет ни интереса, ни умения, ни необходимости в применении норм Конституции, международных стандартов. Нет места дискуссии, вернее, ее нельзя вести по принципиальным темам, от чего правовая мысль Беларуси сильно страдает. Понимаю, как больно всё это видеть человеку, положившему столько сил на алтарь профессии.

Сегодня герой нашей книги — председатель юридической комиссии РПОО «Белорусский Хельсинкский Комитет» Гарри Петрович Погоняйло — очень востребован и активен. Он ведет дела, преподает молодым правозащитникам и юристам, готовит предложения и проекты реформ системы белорусской юстиции. А мы, его друзья и коллеги, желаем глубокоуважаемому юбиляру здоровья, сил и счастья.

Олег ГУЛАК

ИСПОВЕДЬ ЮРИСТА-ИДЕАЛИСТА

ВВЕДЕНИЕ В АВТОБИОГРАФИЮ

Моя матушка — воспитанница 20–30-х годов ушедшего XX века. В те времена принято было давать своим детям громкие, навеянные революционным флером имена: Днепрогэс, Тракторина, Даздраперма (сокращенное от «Да здравствует 1 Мая!»), Гертруда (Герой труда), Ким (Коммунистический интернационал молодежи), Владлена (Владимир Ленин), Сталина... В те же годы был известен американский скрипач по имени Гарри — фамилию его мать называла, но я не помню. Отец любил скрипку и играл на ней. В честь этого скрипача они меня и назвали. Так и записано в моем свидетельстве о рождении — Гарри. Правда, мне имя не нравилось, ведь, кроме всего прочего, надо было объясняться, как же оно возникло. Делать это в детстве и юношестве было не особенно приятно, и друзья называли меня (кстати, и до сих пор называют) Игорем, домашние — Гариком, Гавриком, Гаврюшей, поскольку я был крещен в православии под именем Гавриил. Крестился в Крыму, в Симферопольском кафедральном соборе. С той поры родственники и называют меня Гаврюшей. А имя Гарри пристало ко мне уже после избрания судьей Быховского района — официально меня должны были называть так, как значилось в документах: Погоняйло Гарри Петрович.

Крестила меня старшая сестра Галина. Жила она в период военного лихолетья вместе с моим старшим братом Дмитрием у бабушки в Кирове на Вятке, потом уже переехала в Симферополь, где в то время жила мама, она купила небольшую халупку, а я находился в школе-интернате № 2, что располагался в селе Лозовое под Симферополем. По существу, тот же детдом. В детских домах я жил практически с самого рождения, поскольку родился в лагере, вблизи станции Плесецкая Архангельской области — теперь это знаменитый первый российский космодром «Плесецк».

Само крещение помню прекрасно — я был уже относительно взрослым человеком: мне было двенадцать лет. Помню и церковь, и алтарь, помню, как мазали елеем лоб, руки и ноги, как поливали водой, как творили молитвы. Крестными были муж сестры Галины Иван и его сестра Надежда Малышева. Я не противился крещению: меня всегда увлекало происходящее в церкви таинство. В то время в Симферополе действовали два храма, куда я любил заходить. Всё это вызывало во мне пусть наивный, но особый интерес: мне

нравилась неповторимая архитектура этих зданий, необыденная и великолепная, с золотыми или синими куполами. Увлекал процесс литургии — с обходом икон, с зажиганием свечей, с песнопениями и молитвами... Было время хрущевской оттепели, и в церковь ходили не только старики, но и молодежь, и то, что происходило во время службы, представлялось мне необычным — этого нельзя было увидеть в повседневной жизни, уж тем более в детдомовской. В церковь ходил не я один из нашего детдома, более того, — одно время я даже пел в церковном хоре. Правда, продолжалось это недолго, поскольку не каждое воскресенье удавалось вырваться на церковную службу. К тому же я, безусловно, побаивался, ведь детдомовское начальство ничего об этом не знало. О том, что пою в церковном хоре, было известно только близким друзьям, которые, конечно, не выдавали меня — таковы были детдомовские традиции. Дело в том, что уже тогда я занимался боксом и ездил на тренировки в Симферополь, так что мои отлучки не могли вызвать у воспитателей подозрений.

Вообще говоря, сексотов нигде не любят, не любили и у нас. Если узнавали, что кто-то из товарищей нас выдал, наябедничал детдомовскому начальству, после отбоя мы набрасывали ему одеяло на голову, запикивали в прикроватную тумбочку и сбрасывали со второго этажа. Маленькие ведь были, худенькие, мы так плотно его укатаем и — в окно. Не убьется, но страху, конечно, натерпится... Я тоже принимал участие в таких «воспитательных процессах», от этого никуда нельзя было деться: если товарищи осудили кого-то, стоять в стороне и посмеиваться было нехорошо. Мир жесток, и наш детдомовский мир не был в этом смысле исключением... Наказывали, кстати, и за кражу. И хоть вещи у всех в детском доме были одинаковые, но кто-то ведь носил более аккуратно, кто-то — менее. И вот кто-то свою изодранную одежду подбросил товарищу, а его более крепкую забрал себе. Впрочем, свои вещи узнать было легко — по самим тобой пришитой пуговице, по нашитой заплатке. Не пойдешь же к воспитателю: «У меня дырка — замените мне брючата!» Нет, сам берешь иголку и нитку и зашиваешь, как умеешь...

Своей покровительницей я считаю Пресвятую Деву Марию, потому что родился я на Покрова — 14 октября 1943 года, с тех пор она моя заступница по жизни. И каждый раз, бывая в церкви, подхожу к иконе Девы Марии, зажигаю свечу и шепчу молитву: «Пресвятая

Дева Мария, радуйся! Благословенна ты в женах, благословен плод чрева твоего!..» Тихонько благодарю ее за то, что жизнь моя складывается относительно удачно: мне и перед людьми не стыдно, и не могу сказать, что обижен жизнью или Богом. Как бы там ни было, какие бы превратности судьбы ни случались, я всё равно, если не выхожу победителем, то, во всяком случае, остаюсь человеком с чистой совестью, не предавшим ни свои принципы, ни друзей и близких, ни ту землю, на которой родился и живу. Хотя это и высокий штиль, но тайно, в душе, подобную твердь, подобное оправдание, думаю, пытается найти в себе каждый.

Я и сегодня бываю в церкви, правда, не так часто, как бы того хотелось. Увы, не сказать, чтобы я был по-настоящему воцерковленным человеком, и за это меня можно порицать. К тому же грешен — никогда не был на исповеди. В этом для меня существует некий порог, переступить через который никак не могу: на исповеди ты должен покаяться в грехах, то есть, по сути, выдать самого себя. Еще в детском доме мы жили по принципу: никого не выдай. И я никогда не считал себя обязанным каяться перед кем-либо за свое поведение. Я так и шел по миру — с определенным оптимизмом и некоторой долей фатализма — что будет, то будет. Накажет Боженька за провинности — так тому и быть. Однако это вовсе не означает, что я должен пасть ниц и замаливать грехи — такого во мне отродясь не было. Более того, я критически настроен к православной церкви именно по этой причине — за то, что она видит в нас не братьев и сестер, а рабов, пусть даже Божиих, но — рабов. Кроме того, я не приемлю проповедуемое церковью послушание властям: мол, власть от Бога и поэтому надо повиноваться, ее надо слушаться. Я всегда был сопротивителем и в первую очередь — по отношению к власти. Но считаю, религия необходима — без нее люди перегрызли бы друг другу глотки. И сам я готов соблюдать некоторые ее правила и традиции, потому как они дисциплинируют, в первую очередь, меня самого, они побуждают меня быть лучше, добрее, и прежде всего по отношению к иным людям. И потому-то нам нужна религия, нужна мораль — чтобы мы с большой степенью оглядки совершали поступки, могущие причинить вред другому. Если бы не было религии, человечество погрязло бы в ужасных и драматических конфликтах, хотя, конечно, они происходили и происходят (имею в виду в том числе и несправедливые войны). Я, кстати сказать, именно по этой причине выступаю

за отмену смертной казни, поскольку нельзя убивать сограждан от имени государства, это развращает и ожесточает само общество. Да, надо наказывать, надо применять адекватные меры, но нельзя карать смертью за смерть — это право не человека, а исключительно одного только Бога.

Еще в детском доме я не пытался быть послушным и примерным. Озорство, баловство, даже хулиганство были атмосферой, в которой мы росли, условиями существования в детском доме. Сколько себя помню, всегда вынужден был драться. В небольших детских коллективах становление личности проходит непросто: к несчастью, сильные подминают слабых, а слабые вынуждены подчиниться силе старшего или более крепкого. Этой практики я тоже на дух не переносил — я мог в горло вцепиться любому обидчику, независимо от того, маленький он был или большой. Я рос волчонком. У меня с детства жесткий характер. Может, поэтому и занимался единоборствами: боксом, а когда зрение стало ослабевать, увлекся греко-римской борьбой. Необходимость постоять за себя, не дать себя в обиду была во мне с детства. Однако и правила в нашем детском доме были благородные: если какой-то вопрос надо было решить с помощью силы, так и говорили: «Пойдем стукнемся». Шли каждый со своим секундантом и сразу договаривались: драться «до первой слезинки» или «до первой кровинки». Договор добровольный. Если заплакал, значит, побежден. Но лично я никогда не договаривался драться «до первой слезинки» — бился, сцепив зубы, «до кровинки». Таковую жесткость и злость я проявлял, наверное, осознанно, поскольку понимал — иначе затопчут...

Причин отстаивать свою правду кулаками было великое множество. Когда нас только привезли в симферопольский детский дом и показали, кто где будет спать, ко мне вдруг подошел парень, покрепче и повыше: «Я тут буду спать». А мне понравилось это место — рядом окошко, к тому же я уже застелил кровать, и с какой вообще стати я должен уступать свое место?.. Мы подрались, я его побил. Во второй раз подрались с ним уже в седьмом классе. Он подрос и, наверное, вспомнив свой старый проигрыш, в этот раз решил побить меня. Тем не менее, я снова поколотил его... Наконец, в десятом классе, накануне выпускного бала, играем в баскетбол, он берет баскетбольный мяч и резко бросает мне в лицо. Первые два раза я увернулся, а в третий он все-таки попал. Я, естественно, не стерпел. А надо сказать, к десятому классу он вымахал под два метра и весил килограммов под девяносто,

я же — всего лишь 47 при росточке в 165 сантиметров. И вот я думаю: как же мне его побить? А побить ведь надо! И я поступаю точно таким же образом: жестко кидаю мяч ему в лицо. Он не увернулся и бросился бежать за мной. Я убегая, но как только он догоняет, разворачиваюсь и бью ему кулаком в лицо. Раз, другой... На выпускной вечер он не пошел, поскольку всё лицо было в синяках... И так — всё время: сначала в детдоме, потом — в армии, стал студентом — в университете... Сколько себя помню, постоянно приходилось отстаивать свою честь и свою «территорию». Я до сих пор могу применить силу при обстоятельствах, исключающих мирное решение, — это во мне осталось с тех самых детдомовских времен.

РОДОМ ИЗ ГУЛАГА

Моя матушка замужем была, как минимум, трижды — сужу по рассказам своей старшей сестры Галины. Первый раз матушка вышла замуж в очень юном возрасте за офицера Красной Армии, но, родив сына Дмитрия, в скором времени развелась, поскольку ее муж был человеком деспотичным, тираном и даже побивал ее. Во второй раз матушка вышла замуж за Погоняйло Ивана Федотовича, тоже красного командира. Крестьянского происхождения, он еще в царской армии дослужился до звания капитана. Воевал в гражданскую. В 1930-е годы командовал полком в Беларуси — по соседству с Георгием Жуковым¹, вместе с ним окончил Академию при Генеральном штабе РККА, а затем был отправлен в Белорусский военный округ — под командование легендарного командарма Уборевича². Однако в 1937 году, после ареста Уборевича и обвинения его в шпионаже и предательстве, был арестован фактически и весь его штаб, в том числе Погоняйло. Мать не верила в его виновность и поехала в Москву искать защиты у Климента Ворошилова³, который хорошо знал их семью и, приезжая в Минск, даже бывал в их доме. Выслушав маму, Ворошилов изобразил на лице сочувствие и пообещал во всем разобраться, но когда она, окрыленная надеждой, вернулась в Минск, на вокзале ее уже встречали сотрудники НКВД. Судебный вердикт был скорым и беспощадным: поначалу ее, как жену врага народа, приговорили к расстрелу, но затем карательная машина «смиловилась» — высшую меру наказания заменили пятнадцатью годами лишения свободы. Она еще была обвинена и в шпионаже, поскольку не стеснялась говорить на польском — языке ее семьи, даже бравировала этим: ее мать, моя бабушка Яцунская Ядвига Владиславовна — полька чистых кровей. Получив клеймо ЧСИР (член семьи изменника Родины), матушка оказалась в одном из северных лагерей, что в изобилии значились на карте Архангельской области.

Уже в 1957-м, после смерти Сталина⁴ и прихода к власти Хрущева⁵, мать писала запросы во все инстанции с требованием не только своей реабилитации, но и мужа. И была, наконец, реабилитирована — вместе с Иваном Федотовичем Погоняйло. Между прочим, я тоже считаю себя жертвой сталинских репрессий, поскольку необоснованно находился в местах лишения свободы. Первые три года после рождения я провел на территории лагеря, где отбывала свой срок моя мама.

С моим отцом мать познакомилась в лагере. Звали его Петром Николаевичем Сафроновым. И хотя их брак не был зарегистрирован, однако он признал меня своим сыном, поэтому в графе «родители» у меня значатся: отец — Петр Николаевич Сафронов и матушка моя — Лидия Филипповна Погоняйло. О своем отце знаю лишь, что в лагерь он попал за какие-то хозяйственные преступления. Жизнь его изобиловала крутыми поворотами: он был осужден, отсидел и остался работать в лагере. Но даже самые жестокие лишения не вытравивали в его душе человечность и доброту. Но более этого я ничего о своем отце не знаю: кто он, откуда родом? Я даже фотографию его никогда не видел. Матушку не расспрашивал, а сама она не любила об этом говорить. Всю оставшуюся жизнь единственным своим мужем она считала Ивана Федотовича — он был ее солнцем, светом в окне и радостью всей ее жизни, только его она чтит и помнит. О других своих мужьях не вспоминала...

Мать по образованию была медиком, что в лагере ей очень пригодилось — она работала в медсанчасти, хотя начинала, как и все, с лесоповала. Кроме того, она была неплохой рукодельницей и обшивала не только «зэчек», но и женщин из лагерной администрации. «Так я выжила», — говорила она. Впрочем, опасность состояла еще в другом: администрация лагеря, вохровцы⁶, выбирали самых красивых женщин и насиловали их или же принуждали к сожительству — всякое бывало, и моя мать, чтобы иметь хоть какую-то защиту, сошлась с Петром Сафроновым, будущим моим отцом, — он каким-то образом оберегал ее. Впрочем, мать не любила рассказывать о лагерной жизни — она не то чтобы боялась этих воспоминаний, но уходила от них. Матушка была слаба здоровьем, и эти воспоминания моментально давали знать о себе — она хваталась за сердечко и пила лекарства. Воспоминания для нее были тягостны. Если же что-то и рассказывала, то при случае или когда встречалась со своими давними подругами — еще тех, допосадочных лет... К слову, она пыталась найти того, кто мог сидеть в одной тюремной камере с Погоняйло, чтобы выяснить его судьбу, и кто-то рассказывал ей, что Ивана Федотовича буквально на руках приносили с допросов и кидали на пол — у него были перебиты и кровоточили ноги и, чтобы снять сапоги, приходилось разрезать голенища. Это означает лишь одно — признательные показания из него выбивали под пытками. Тем не менее, он отверг все попытки следователей заставить его дать «нужные» показания на

сослуживцев. Но, никого не сдав, сам принял мученическую смерть. Говорили, славный был человек...

Отца своего я не застал — он умер в лагере в 1944 году, когда мне было около года. Умер от туберкулеза — на Севере эта болезнь косила многих, а уж тем более в местах лишения свободы да еще в годы войны. По рассказам матери знаю, что администрация лагерей искусственно создавала условия голода. В лагерях сидели миллионы людей, и в то же время миллионы воевали на фронтах. И тех, и других государство должно было кормить. Но при нехватке продовольствия кого в первую очередь кормили? — тех, кто был на фронте. А лагерных под видом пересылки в другие лагеря вывозили на баржах в Белое море и топили...

Север был напичкан лагерями. Зима там почти девять месяцев, люди в лагерях ослаблены. Кто будет зимой в лютые морозы долбить яму, чтобы хоронить?.. Трупы складывали штабелями, обкладывали дровами и поджигали — вот и все похороны... Этот смрад, запах паленого человеческого тела помню до сих пор. Это тоже, должно быть, формировало мое жесткое восприятие жизни. И, конечно, отсутствие родителей в моей жизни — мать я, по существу, не видел до самого окончания школы. Освободившись в 1954-м, она приезжала ко мне в детский дом вместе с моей старшей сестрой, которой шел 19-й год, и она уже была студенткой Ленинградского института им. Лесгафта. Мне тогда было годков десять, я до сих пор помню эту встречу. Меня пригласил в свой кабинет директор школы — он был инвалидом войны. Протезов как таковых в то время не было, и он ходил на деревяшке, опираясь на киек. И вот стоят передо мной полноватая симпатичная женщина и молодая худенькая девушка. Одна представилась «мамой», другая — «сестрой», а внутри меня — пустота, я ведь не знал, что это такое — сыновнее чувство, поскольку с детства был лишен этого...

Как таковой разлуки с матерью не помню. Она сама потом рассказывала, что иногда приходила в ясли на территории лагеря, и мы с ней общались. Долго быть со мной она не могла, поскольку должна была работать. Ничего этого в моей памяти, конечно, не сохранилось. Мне лишь хорошо запомнилось, как нас вывозили с территории лагеря, — когда мне исполнилось три года. Перевезли нас в дошкольный детский дом в Подюге. Это было зимой, стоял дичайший мороз, нас везли на розвальнях, запряженных лошадами, мохнатыми, в инее.

Настелили сено, разложили тулупы, мы легли, и вохровцы накрыли нас тулупами еще и сверху — мы ехали, как мышки в норке. Потом была железная дорога, нас на руках передавали в вагоны... Почему я еще это помню? — я тогда в пути наложил в штанишки, уже в поезде меня помыли и переодели. И это чувство стыда сохранилось в моей памяти навсегда...

Уж не знаю, каким родителем сам я стал: у меня двое детей и четверо внуков-бусинок, которых я люблю, наверное, даже больше, чем собственных детей. Но это общеизвестно: внукам мы всегда стремимся дать то, что недодали детям. Однако сам-то я не рос в семье, у меня напрочь отсутствовал опыт семейной жизни, семейного счастья... Мамка тогда, при той встрече, плакала... Она не забрала меня с собой, поскольку едва освободилась и совершенно была не устроена. Отсидела же она ровно пятнадцать лет, день в день, и была лишена права проживания даже в областных центрах, лишь в районных ей дозволялось прописаться. Поэтому и решила, что заберет меня только тогда, когда сможет обустроиться. Она забрала с собой моего младшего брата Гошу. Как сама потом объясняла: двоих она не смогла бы поставить на ноги. Я, кстати сказать, помню, как Гошу привезли ко мне в дошкольный дом: «Будешь за братиком ходить, сопли ему подтирать, смотреть, чтобы в штанишки не написал...» Я же подумал: «Буду еще за каким-то пацаном смотреть, чтоб в штанишки не написал!» Ведь хотя мне и сказали, что он мой брат, но я не знал, что это такое — «брат», несмотря на то, что был довольно взрослым пацаном — мне было шесть лет... Впрочем, меня вскоре отправили в школьный детский дом, а Гоша остался, пока мать, освободившись, не забрала его.

У меня нет на нее обиды. Да и на что обижаться? Обида была бы, если бы я вырос в семье и чувствовал себя обделенным материнской лаской и любовью, но это чувство мне совершенно не было знакомо, поэтому как к этому можно относиться?.. Конечно, из художественной литературы (уже во втором классе я прочитал практически все книги из курса начальной школы — без малого двести книг!) я знал и про маму, и про папу, про братьев и сестер, но всё это было абстрактно, поскольку воспитание должно выстраиваться на эмоциях, чувствах, отношениях, а в моем случае такого опыта просто не было.

Мать не забрала меня, справедливо рассудив, что мне лучше будет на государственном обеспечении. Годы, проведенные в лагере, дорого ей обошлись — она стала болеть и большей частью находи-

лась в больницах, хотя прожила долгую жизнь. Умерла она 12 апреля 1993 года на 87-м году... А мне действительно было хорошо в Крыму, где нас неплохо одевали: тепленькие пальтишки, курточки, школьная форма с неизменной фуражкой с кокардой; неплохо кормили — у нас было даже свое большое подсобное хозяйство. Годы, проведенные в симферопольском детском доме, я вспоминаю с большой теплотой, в то время как годы, прожитые на Севере, с его девятимесячной зимой, морозами и ветрами, остались в памяти постоянным чувством голода и холода...

До трех лет я рос в яслях, которые находились тут же на территории лагеря.

*Новый год, порядки новые
Колючей проволокой наш лагерь обнесен
И всё глядят на нас глаза суровые
И каждый знает, что на гибель обречен.*

Такие песни я помню с самых ранних лет, с той самой поры, как начал что-то понимать. И слушал я их не по радио, не во дворе уютного родительского дома, а под вой северной метели, в холодном некажистом бараке, окруженном колючей проволокой. Там, где я родился...

Примерно тогда же случилась история, запомнившаяся мне на всю жизнь. Мать рассказывала, что мне было годика два, шел третий, когда она однажды завела меня к себе в так называемый спальный корпус, хотя это был, конечно, не корпус, а обычный барак, в котором слева и справа громоздились двухъярусные настилы. Девчата усадили меня на второй ярус и угощали сухариками, печенюшками или, может, сахарными ледышками — точно не помню. И вдруг заходит надзирательница, «зэчки» перепугались и спрятали меня под одеяло. А мне ведь интересно! Я барахтаюсь, хихикаю... Надзирательница услышала меня, она в один конец барака — девчата перепрыгивают меня в другой конец, она туда — они прячут меня в другом месте... Надзирательница так и не нашла меня. Но сам я тоже испугался — я же видел реакцию взрослых людей. Это-то и стало первым моим воспоминанием, причем воспоминанием очень ранним — обычно помнить себя начинают после пяти лет...

Когда мне исполнилось три года, в декабре 1946-го, меня из яслей перевели в детский дом, находившийся за пределами лагеря. Помню наш спальный корпус, столовую, даже помню, чем нас там кормили:

та же ячменная каша, суп из сушеных картошки, моркови и лука, попадавших в детский дом по ленд-лизу, помню ржавую селедку, непонятно как сваренные макароны, кислый хлеб... Самыми вкусными были компот и сухие галеты... Или вот еще бегали на станцию, где разгружали жмых, предназначенный для корма скота: мы набирали этого жмыха в карманы и потом жевали. Летом были ягоды и травы, которые тоже можно было есть: заячья капуста, иван-чай, подорожник, молодые веточки сосны... Это было очень голодное время, желудки постоянно прирастали к спине... Уже когда стал постарше, мы собирались в стаи, в товарных поездах уезжали от детского дома километров на сто и устраивали набеги на рынки и огороды. Так, кстати, и развивалось чувство товарищества — мы всегда выручали друг друга: если милиционер хватал кого-то за шиворот, другой тут же бросался ему под ноги, чтобы помочь товарищу не угодить в каталажку.

С КОРАБЛЯ НА БАЛ

По сути говоря, наш детский дом в действительности был школой-интернатом, но, очевидно, из стыдливости его так официально не называли. Детдомовская жизнь была сложная, трудная и невеселая. Радости, особенно когда я жил на Севере, мы испытывали мало, именно поэтому при каждом удобном случае искали возможность придумать что-нибудь веселое. Одно из наших развлечений — во время сплава леса по реке перебежать по бревнышкам на тот берег и обратно. Игра очень опасная, поскольку если упадешь в воду, выбраться сумеешь далеко не всегда. И такие случаи со смертельными исходами были, причем происходили на моих глазах. Сам я тоже падал, но как-то выкарабкивался...

В 1954 году я неожиданно оказался в Крыму, где меня встретили цветущие сады, богатые совхозы и колхозы с зажиточными крестьянами... Я рос хлипким, раз шесть болел воспалением легких, меня уже едва не на погост собирались относить, но тут по распоряжению пришедшего к власти Никиты Хрущева нас, ослабленных детей, отправили в Крым. Так я попал в село Лозовое под Симферополем, где, кстати сказать, во время Крымской войны стояла батарея Льва Николаевича Толстого. Красивейшие, сказочные места: холмистая местность, где террасами, особенно с южной стороны, располагались виноградники, которые мы, пацаны, любили обирать, хоть там и бегали с ружьишком сторожа; огромные баштаны с арбузами и дынями, роскошные сады, на которые мы осуществляли набеги... Жили мы во дворце графа Воронцова. Дворец белой жемчужиной стоял на горе и оттуда можно было увидеть все красоты Крымского предгорья. Там, кстати, в 1930-е годы снимали известную и всеми любимую кинокомедию «Веселые ребята» с Любовью Орловой и Леонидом Утесовым. В нем происходили съемки, когда свинья на стол взгромоздилась, и бык пришел, которого, верхом оседлав, выпроваживала Любовь Орлова. Это и был наш спальный корпус, в котором мы обосновались в 1954 году...

Здесь, в Крыму, я едва не погиб. Там же зимы практически не бывает, но когда упадет снежок, когда грянет легкий морозец, мы, конечно, были очень рады и тут же становились на коньки. Причем коньки изготавливали сами: в деревяшке прожигали желоб, в который помещали толстую проволоку. Или катались еще на санках — прямо с крутого бережка. Но в тот раз мы попали с товарищем в промоину,

которая образовалась из-за того, что в водохранилище впадала речка Салгир. Наши санки ушли под лед, а мы с товарищем оказались под водой. Я тут же сообразил, что надо развернуться и плыть к полынье, где меня и ждали наблюдавшие всё ребята — они бросали ремни, палки, чтобы вытащить меня. А товарищ мой остался подо льдом... Когда его достали, выяснилось, что он погиб не от того, что воды нахлебался, а от разрыва сердца. Он оказался не готов к такому стрессу и попросту испугался...

Это была не редкость, когда кто-то из нас погибал: нас было около трехсот человек, за всеми уследить воспитатели были не в состоянии, и детдомовцы тонули, попадали под машины, падали с деревьев... Я тоже однажды слетел с высокой сосны, на которую полез, чтобы погонять белку, но, видимо, Мать моя Божия и в тот раз помогла мне: один из суков обломился, и уже в полете я зацепился за верхушку тонкой березы, которая плавно спарашютировала меня на землю... Смерти наших товарищей не заставляли нас остерегаться опасных ситуаций — бесшабашность по-прежнему была частью нашей жизни, в том числе моей.

В другой раз я едва не погиб уже на море. Я любил плавать и был вынослив, заплывал на очень дальние дистанции. Мы даже устраивали соревнования, кто сколько сможет проплыть: мы плывем, а рядом с нами лодочка. Я проплывал пять километров, от чеховского пляжика в Гурзуфе к дальним «артековским» скалам. Интересно было плавать еще во время штормов — когда большая волна взмывает тебя так, что гора Ай-Петри оказывается под тобой. В один из таких штормов мы и пошли купаться вместе с братом Георгием. Было это в районе Алушты. Я отплыл метров на сто пятьдесят, когда почувствовал, что пора возвращаться. Развернулся к берегу, плыву и вижу, что я всё дальше ухожу от берега. Дело в том, что волна хотя и накатывает, но на гребень меня не выносит — соответственно, я потом и не скольжу по ней вниз, к берегу, а наоборот, скатываюсь с волны назад. И так каждая волна всё дальше уносила меня в море. Поняв это, я стал нырять в волну и плыть под водой. Причем были моменты, когда воздуха уже не хватало, а волна всё не заканчивалась — я никак не мог выйти из нее. Еще пару раз, думал, и захлебнусь... Впрочем, настоящая трагедия ждала возле берега, в этом прибое: волны мощные, силища огромная, я не успевал зацепиться за берег, как вода уносила меня обратно и крутила в буруне просто как песчинку, вместе с песком и камнями, крутила-разворачивала меня, как хотела, — тело абсолютно не слушалось меня... Когда я, почти бездыханный, все-таки зацепился за

большой камень на берегу и, наконец, выплз из воды, я был весь ободранный и израненный — на меня страшно было смотреть, когда на следующий день обозначились синяки... Тогда впервые мне было по-настоящему страшно, поскольку я понял, что могу погибнуть. Но я не позволил страху убить волю к сопротивлению и борьбе за жизнь. Это было в первый и в последний раз в жизни, когда мне было так страшно. Подобного страха я никогда в жизни не испытывал, ни ранее, ни позже — даже когда прыгал с парашютом или когда уже был судьей, и на меня в драке шли с ножом...

Уже став взрослым, долгое время я хотел приехать туда, в Крым, в село Лозовое. Осуществить мечту удалось лишь в начале 2000-х, но я увидел такое запустение! Мы сажали сады, виноградники, разводили цветы, всё у нас сияло, радовало! Теперь же ничего этого не было и в помине: асфальтированные дорожки заросли, их даже не видно было, столовая не сохранилась, дивное здание спального корпуса (дача графа Воронцова) полуразрушено, из стен его растут березки и кустарники... Я уезжал со слезами на глазах, хотя никогда не плачу. Все-таки я не ожидал увидеть этого ужаса, такого упадка и запустения... Не скажу, что пожалел о своем приезде. Там ведь мной прожиты целых восемь лет, именно там происходило мое становление, там случилась моя первая любовь, там я стал чемпионом Симферополя по боксу. Я даже музицировал там — играл на альте, когда занимался в школьном духовом оркестре и по этой причине участвовал в школьных городских парадах на 1 мая и 7 ноября. Да и все-таки самые памятные — это годы отрочества и юности. Я прирос душой к тем местам, они звали, умиляли в воспоминаниях. И побывав там спустя столько лет, словно с родными повидался. Но еще раз туда я, конечно, не поеду — больно и стыдно, хотя моей вины в том нет...

Накануне 50-летия окончания школы, в 2011 году, я хотел организовать встречу, отыскать тех, с кем когда-то учился, но задумался: кого я теперь увижу? — мы друг друга не узнаем, и это снова будут переживания, подобные тем, что уже перенес, когда спустя столько лет приехал в Лозовое... Да ведь и судьба выпускников-детдомовцев часто незавидная: одна треть оказалась в тюрьмах, одна треть спилась и потеряла себя в этой жизни, лишь немногие сумели пробиться и чего-то достичь... Вот к своей первой школьной любви Валюше я несколько раз ездил в Крым, навещал ее, даже будучи уже женатым, о чем моя жена, конечно, знала. Долгое время мы с ней переписывались. Я ведь обещал на ней жениться, но затем «отпустил» ее, после чего она вышла замуж и родила двоих детей.

СТАЛИН И ЕГО КУЛЬТ

В детском доме нас воспитывали в лояльном отношении к вождям, в любви к ним. Повсюду звучало: «Сталин — наш вождь, Сталин — наш учитель». Выступления по радио, разговоры воспитателей и учителей: «Сталин, Сталин, Сталин...» Его портреты были повсеместно, книги начинались с посвященных ему стихов. Я до сих пор помню альбом, вышедший в 1949 году к 70-летию Сталина: огромный фолиант в тисненном переплете коричневого цвета, с фотографиями и репродукциями картин его парадных портретов в белом кителе со звездой Героя Советского Союза. Нас и воспитывали в боготворении Сталина — «это именно он дал вам счастливое детство, возможность жить и учиться». Потому-то для нас существовало лишь два святых понятия: Родина-мать и отец родной Сталин...

Хорошо помню тот день, когда пришло известие о его смерти. Я тогда учился во втором классе. Пришла зареванная учительница и сообщила, что уроки отменяются — умер Сталин, и попросила меня помочь обрамить портрет Сталина траурной лентой. Вместе с ней я пододвинул к стене стол, поставил на него стул, залез и повесил на портрет черную ленточку... До сих пор помню те свои чувства: учительница плачет, причем весь ее вид говорит об искренности, одноклассники кто напустился, кто рыдает, а внутри меня — радость. Вроде бы и в пиетете к этому человеку воспитывали, а я ничуть не переживаю из-за его смерти, нет у меня ощущения горя... Может, где-то глубоко в памяти, на подсознательном уровне у меня остались те случайно услышанные лагерные разговоры о Сталине, свидетелем которых я, совсем маленьким, был, и которые по причине возраста не помнил, но о которых позже вспоминала мать?..

А потом были 1954-й и 1955-й годы, осуждение культа личности Сталина, возвращение сотен тысяч из лагерей, реабилитация незаконно осужденных. Я с эйфорией воспринимал эти перемены, мне казалось, что нечеловеческое отношение (слово «тирания» я тогда не знал) наконец закончилось и началось что-то новое, светлое.

О XX съезде партии⁷ я знал еще тогда — о нем же писали газеты, рассказывало радио. Да и воспитательная работа в детском доме велась очень скрупулезная — в школьной библиотеке были подшивки «Правды» и «Известий» (некоторые номера оттуда я вырывал, в моем домашнем архиве до сих пор хранится номер «Правды», где сооб-

щалось о смерти Сталина). Более того, году в 1958-м нам в актовом зале поставили телевизор, который, принимая телевизионную картинку, проецировал ее на большой экран. Таким образом мы и узнавали обо всём, что происходило в стране, и о чём советским людям было положено знать. Мы были школьниками, многое понимающими. К тому же политика интересовала меня уже тогда. Причем я не только интересовался политическими новостями, но уже в то время, в 8–10-х классах, читал исторические и философские трактаты, штудировал труды Энгельса⁸, Плеханова⁹ и, несмотря на негативное отношение к нему, даже Сталина. Хотя мои одноклассники не только не интересовались подобной литературой — они не подозревали о ее существовании. Что-то привлекало меня в этом. И это несмотря на то, что мы пели лагерные песни про Иосифа Виссарионовича:

*Товарищ Сталин — Вы большой ученый,
В языкознаньи знаете вы толк,
А я простой советский заключенный
И мне товарищ — серый брянский волк.*

Каким образом пробудился у меня этот интерес? Не исключаю, что возник он в то время, когда люди стали возвращаться из лагерей¹⁰, — после 1953 года о массовых репрессиях говорили уже открыто. К тому же у нас в школе был интересный человек — Супруненко Сергей Иванович, учитель истории, с которым я сдружился, и который давал мне читать все эти книги. Именно он дал мне материалы XX съезда КПСС. Он возглавлял партийную организацию нашей школы, поэтому через его руки проходили многие секретные партийные материалы, которые после прочтения надлежало вернуть в райком партии. Некоторые из этих материалов он давал и мне. Я до сих пор вспоминаю его с благодарностью... К слову, когда он заболел, я подменял его в 6–8-х классах. Готовился основательно, изучал дополнительно материалы, чтобы удивить, заинтересовать тем, чего не было в учебниках. И тем не менее стать историком не захотел...

Всё это и формировало мое отношение к Сталину как к тирану, строившему государство на крови. Причем был он для меня не просто преступником — в моем понимании это настоящее исчадие ада. Видимо, история сама способствует появлению таких людей в периоды особых потрясений — достаточно вспомнить Ивана Грозного¹¹ или Петра I¹². В России Петр I — национальный герой. Да, наверное,

исторически необходимо было развернуть Россию от боярщины, от ее феодальных традиций к Европе, к Западу, но для меня Петр I — это человек, у которого руки по локоть в крови, и все его реформы — это трагедии тысяч и тысяч людей... Наконец, Великая Октябрьская революция. Столько крови, сколько было пролито в первые два десятилетия советской власти, наверное, помнит лишь древняя история, когда в результате опустошительных войн уничтожались и выжигались целые народы. А тут Сталин прошелся огнем и мечом не по чужому — по собственному народу! И это в XX веке! Но не было таких целей, ради которых можно было бы утопить страну в крови!..

Впрочем, мое отношение к Сталину основывается все-таки не на моих личных страданиях — я ведь не прошел через ту драму, через которую вынуждены были пройти мои мать и отец и их ровесники. Более того, я оказался в гораздо лучшем положении, нежели мои старшие сестра и брат, жившие у нашей бабушки и перенесшие войну, голод, это страшное лихолетье. А обо мне все-таки заботились, как нам тогда внушали, Иосиф Сталин и Родина-мать. И худо-бедно, но нас кормили, одевали, лечили, дали образование. Да, было трудно, но в тех же деревнях на рубеже 1940–1950-х наши ровесники умирали от голода и болезней... Мое резко негативное отношение к Сталину сложилось прежде всего потому, что я много читал, и еще — по рассказам матери, свидетельствующей, что в лагерях сидели безвинные, осужденные просто по оговорам, причем сегодня ты мог быть палачом, а завтра — жертвой. Этот молох перемалывал судьбы не единиц — сотен тысяч, миллионов!

СОЧИНЕНИЕ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

То обстоятельство, что мои родители несправедливо прошли через сталинские лагеря, и подвигло, должно быть, меня к выбору профессии юриста: адвокат ведь должен защищать людей от несправедливости, от чинимого властью беззакония. И когда еще в девятом классе мы писали сочинение на тему «Кем я хочу стать?», я так и написал: «Хочу быть адвокатом».

Окончив в 1961-м, гагаринском году, школу, я приехал в Минск к матери, в ее хрущевскую квартиру-полупорку на улице Жданова (ныне — Желудовича). Она получила ее в качестве компенсации за пятнадцать лет сталинских лагерей. Жила вместе с моим младшим братом Георгием. Не отдохнув и недели, я отправился на поиски работы. Впрочем, далеко не ходил — устроился учеником токаря на 11-й Государственный подшипниковый завод. Моим учителем стал Аббат Галиано Антонио — уроженец Испании, в 1934 году оказавшийся в СССР и так же, как и я, живший в детских домах. Окончив ФЗО¹³, он стал токарем и к тому времени имел 6-й, самый высокий разряд. Учиться я мог только на вечернем отделении, поскольку в то время действовало хрущевское законодательство, согласно которому поступить на дневные отделения по гуманитарным специальностям можно было лишь при наличии двухлетнего трудового стажа. На вечернее и заочное отделения поступать разрешалось без трудового стажа: на вечернее отделение юрфака БГУ принимали лишь со справкой с места работы. Экзамены я сдал хорошо: одна «четверка», все остальные «пятерки». Но на мою беду в это время в Вооруженных Силах произошло большое сокращение, и тысячи бывших военнослужащих могли поступить в вузы даже при наличии удовлетворительных оценок — для них существовали льготы... Меня вызвали в деканат: «Ты хорошо сдал экзамены, но нам надо принять людей повзрослее тебя. Им в большей степени нужна новая специальность. А ты — молодой, у тебя еще всё впереди. Согласен?» И я по-комсомольски ответил: «Согласен». В результате, отработав полтора года на заводе, я был призван в армию.

Службу проходил в Краснознаменном учебном центре истребительной авиации войск ПВО. Это был закрытый военный городок в селе Саваслейка Выксунского района Горьковской области (ныне — Кулебакский район Нижегородской области). Наш гарнизон отличался тем,

что там были сосредоточены многие новейшие модели истребителей, которые прибывали после заводских испытаний с тем, чтобы пройти уже летные испытания для дальнейшей корректировки их военных характеристик. Курировал центр маршал авиации Савицкий¹⁴ — отец знаменитой Светланы Савицкой¹⁵, дважды побывавшей в космосе. Старику было за шестьдесят, а он садился в кабину самолета любого типа и показывал буквально чудеса летной акробатики!

Учитывая то, что я был уже довольно профессиональным токарем, меня направили в школу младших авиационных специалистов (ШМАС), по окончании которой был зачислен в дивизионную армейскую авиационную мастерскую. Моей специализацией была вся бортовая оснастка: фюзеляж, хвост, крылья, шасси, двигатель самолета. Мы выполняли под руководством офицеров-технарей так называемые регламентные работы. Служить было интересно, но мечты о полетах, а тем более о космосе никогда не возникало — я просто по здоровью, из-за плохого зрения, не смог бы пройти медицинскую комиссию... В авиацию мечтал попасть мой младший брат Георгий. Он был отчаянным парнем, что его и сгубило. Он работал на Минском тракторном заводе. Они с товарищем придумали такое развлечение во время обеденного перерыва: брали трактор сразу после обкатки — на нем еще и кабина не навешена, — разогнав по прямой, переводили на два колеса и затем наворачивали круги вокруг фонарного столба — этокое «тракторородео». Однажды трактор перевернулся и накрыл Гошу. Было ему 17 годков...

Драться пришлось не только в детском доме, но и в армии, причем по совершенно разным поводам. К примеру, пришли на обед: накрыт стол на десять человек, на столе — кастрюля; первыми с ложки туда лезли «старики» с тем, чтобы выбрать мясной, а не салыный кусок, затем — кто служил второй год, и уже после них — первогодки — что им доставалось? Мне показалось это несправедливым, и я по детдомовской привычке сразу зачерпнул из общей кастрюли. Сидевший напротив меня старослужащий моментально привстал: «Я тебе, салага, эту шайку на голову надену!» В ответ я так треснул ему, что он под соседний стол улетел...

Драться доводилось довольно часто: кто-то пытался отнять шапку, кто-то — отбить пряжкой присягу на заднице... Да и вообще следует признать, что я, хоть и детдомовец, но не был приучен к такой жесткой дисциплине, какая существовала в армии. Никого из команди-

ров в такой же солдатской, как у меня, робе не признавал: если мыть полы — так всем, убирать туалеты, мести улицу — тоже всем. Все эти приказы я воспринимал как надругательство над чувством собственного достоинства. Поэтому так называемый курс молодого бойца (продолжался он месяц) закончился для меня шестнадцатую неотработанными нарядами вне очереди — про отработанные не говорю! Так вот меня старались обтесать. Но я считал, что каждый мужик должен уметь постоять за себя, за свое достоинство. И потихоньку-потихоньку, но со мной начали считаться старослужащие и одногодки.

Однако я ведь не только мог быть жестким — умел и дружить, причем еще со времен детского дома. По характеру я, в общем-то, дружеский человек, больше стараюсь отдать, чем взять. У меня до сих пор есть друг — известный ныне художник Виктор Хацкевич, с которым мы сдружились еще в армии — уже полвека прошло!.. Кстати сказать, почему он ко мне привязался: их было два брата-близнеца, оба хилые — ни разу подтянуться не могли на перекладине. И я начал натаскивать одного из братьев: вместе с ним мы занимались боксом, штангой, я каждый день нагружал его... Из армии он вернулся статный, накачанный, занялся спортом...

На юридический я все-таки поступил. Тут мне снова повезло: хотя Хрущева уже скинули (в октябре 1964-го), но еще действовало «хрущевское» законодательство, согласно которому нас отпускали из воинских частей при успешной сдаче вступительных экзаменов в вузы и из армии демобилизовывали раньше времени. Таким образом, я прослужил не три года, а на четыре месяца меньше...

Университет окончил в 1969-м. Но опять-таки дала знать о себе «отрыжка» хрущевских времен. Находясь у власти, Никита Сергеевич заявил, что нам не нужны юридические вузы, и вообще надо сокращать всю эту юридическую рать, поскольку мы идем семимильными шагами к коммунизму, когда никакой преступности не будет. В результате было произведено сокращение не только количества обучающихся и самих вузов, но и время обучения. Потому-то вместо пяти я учился четыре года.

Когда в августе 1968-го в Прагу вошли советские войска¹⁶, я был против и громко заявил об этом. А среди наших студентов были коммунисты, считавшие, что дело партии — дело правое и святое. И когда я в разговоре с однокурсниками начал осуждать ввод советских

войск в Прагу, один из студентов-коммунистов решил разобраться со мной, попросту говоря — набить мне морду, что, к слову, тоже мужской поступок. И вот он идет ко мне... А у меня же детдомовская привычка: бей первым. Я так и поступил — нанес резкий удар в челюсть, и мой противник ушел в нокаут... Молва распространяется быстро — кто будет связываться с Петровичем в следующий раз?.. Впрочем, это вовсе не означает, что я такой уж драчун. Кто-то в подобной ситуации поднимет руки вверх, сдастся, кто-то — попросит прощения, я же несколько иного склада: хочешь проучить меня — пожалуйста, а там уже как карта ляжет... Не бахвалюсь этим, просто еще в детдоме я был маленьким и щедрым — пнуть такого, обидеть не составляло труда. Но я был убежден, что нельзя прощать подобных вещей, иначе — затопчут. Я, конечно, не сторонник того, что каждый раз следует пускать в ход кулаки. Однако если ситуация такова, что надо защищаться, значит, надо делать это решительно — чтобы одержать верх. С тех давних времен я исповедую детдомовский принцип: «с хулиганами — по-хулигански».

Всё это потом пригодилось мне и в жизни. В конце концов, именно так и сформировался мой характер. Это бойцовское настроение присутствует в том числе и тогда, когда пытаюсь защитить людей от непорядочных, творящих беззаконие милиционеров, судей, прокуроров. Порой я так прямо и говорю какому-либо зарвавшемуся милиционеру:

— Если ты считаешь возможным действовать по отношению ко мне незаконно, то почему я по отношению к тебе должен руководствоваться лишь законом?

— Как так?! — удивляется он. — Вы же юрист!

— Ты нарушаешь закон. Почему ты, имея власть в своих руках, позволяешь себе так поступать, не по закону? Я такой властью не располагаю, но я имею право на самозащиту...

Таких людей надо наказывать — это мое убеждение. И мое правило по жизни.

Выбор профессии юриста был, видимо, подготовлен житейским опытом и знанием, которое и повлияло на формирование моего мировоззрения, моей философии (пусть детской и наивной) и моего отношения к будущей профессии, к тому, чем буду заниматься и где, как личность, должен буду состояться. Главенствующую роль тут, оче-

видно, сыграло то, что я много читал, и в первую очередь — книги по истории, философии, из серии «Жизнь замечательных людей», ведь многие выдающиеся государственные деятели по образованию были юристами: Авраам Линкольн¹⁷, Джон Кеннеди¹⁸... Помимо того, мое внимание привлекала историография об известных российских судебных ораторах: Кони¹⁹, Александрове, Плевако²⁰... Они работали в тот замечательный исторический период, когда в России была проведена так называемая судебная реформа, действовали суды присяжных, и адвокатура, став независимой, могла, наконец, проявить себя в публичных процессах. В это время она умело доказывала невиновность даже тех, кто покушался на царя, на градоначальников, включая генерал-губернаторов, — достаточно вспомнить известное петербургское дело Веры Засулич, которая стреляла в генерала Трепова, и тем не менее суд присяжных оправдал ее²¹. Так вот, под впечатлением прочитанного и под впечатлением жизненных наблюдений я понимал, что юридическая профессия даст мне в жизни очень многое. К техническим наукам я не был склонен. Думалось, что, получив профессию юриста, смогу реально помогать людям — чтобы они не попадали в те неприятные ситуации, которые государство, как капканы, расставляет в нашей жизни и из которых выбраться без помощи толкового юриста попросту невозможно. Я считал эту профессию и благородной, и благодатной одновременно. Благодатной не в смысле финансового достатка — просто эта работа приносила мне внутреннее удовлетворение. К тому же она сулила состязательность. Я ведь еще в юности выходил на ковер и боролся с соперником, прикладывая все усилия, чтобы достичь победы. И часами истязал себя физически, сотни раз проделывал упражнения, чтобы овладеть одним-единственным борцовским приемом или контрприемом, и всё ради одной цели — я хотел стать профессионалом, я хотел побеждать в схватках. (Похвастаюсь: в студенческие годы я был включен в состав молодежной сборной БССР по классической борьбе.) В юриспруденции тоже присутствует дух состязательности: есть следователь, есть адвокат, есть прокурор-обвинитель и защитник. Мне казалось, в этих борениях, если буду обладать достаточными знаниями, если наберусь опыта, я смогу реально помогать людям. Потому что конфликты между гражданином и государством были, есть и будут, причем независимо от того — тоталитарный режим в государстве или демократическое правление.

СУДЕЙСКАЯ ПЯТИЛЕТКА

В советское время я пять лет работал народным судьей. Дело в том, что сразу после окончания университета в 1969 году и непродолжительной стажировки меня направили в районный центр Костюковичи. Я оказался единственным выпускником юрфака БГУ, кто, будучи минчанином, подчинился распределению и поехал в провинцию, хотя мог бы, подсуетившись, остаться в Минске. Так я стал заведующим юридической консультацией Костюковичского района Могилевской области. Правда, адвокатом проработал недолго — через полтора года начальство, видимо, оценившее мои активность и результативность работы, уговорило меня перейти работать в суд. Хотя, надо заметить, еще при поступлении в университет я решил, что буду только адвокатом — никакая иная профессия в юридической специализации меня не привлекала...

В те годы судей избирал народ — и судьи, и суды были народными. Мне было 27 лет, я был холост, беспартийный, наверное, единственный в таком статусе судья на всю Беларусь, потому что судьи районного уровня были, во-первых, как минимум, номенклатурой обкомов партии, во-вторых, все поголовно члены КПСС — в то время партия руководила буквально всем, в том числе и судами. И хотя избрали меня на безальтернативной основе, тем не менее это были именно выборы судьи народного суда Быховского района. Секретарь райкома партии Дмитрий Герасимович Комар — кстати сказать, сам бывший судья, — поздравив меня после выборов, заявил:

— Вот тебе две недели и решай вопрос о вступлении в партию, потому что мы, партия, мы, райком, должны руководить всеми отраслями, в том числе и судами.

— Как это можно руководить судами? — не понял я.

— Это очень важная и политическая, и социальная, и партийная работа — судить по закону. Партия вникает во все дела, в том числе судебные. А как мы будем влиять на тебя, если ты неправильно себя поведешь?

— А если не соглашусь?

— Тогда через некоторое время мы вынуждены будем поставить вопрос о том, чтобы использовать тебя на другой работе.

— Но ведь когда вы давали согласие на то, что я, беспартийный, буду судьей, вопросов не возникало.

— Мы имели в виду, что быстро примем тебя в партию. Такие заверения я дал в обкоме партии — что мы вырастим из тебя молодого коммуниста...

Поэтому я всегда открыто говорил, что в партию вступил из карьеристских побуждений — желая остаться на должности судьи. Пусть это был и компромисс — я не стесняюсь этого.

И действительно, никаких проволочек не случилось — кандидатом в члены КПСС меня приняли очень быстро... Конечно же, я ощущал — как, наверное, многие судьи в тот период — и закулисное давление, и прямое, когда райкомовским чиновникам хотелось видеть именно такое решение суда, а не иное. Иногда они вызывали в свои кабинеты и говорили, чего именно ждут от меня; иногда действовали путем так называемого телефонного права; иногда могли передать просьбу через прокурора. Но опять-таки, видимо, по характеру, по своей строптивости я не подчинился партийному диктату и в мягких формах, а в ряде случаев и в очень жестких формах пытался доказать, что я — судья и давить на меня нельзя, а уж тем более брать меня, что называется, за горло.

И хотя исторически это был уже период не хрущевской оттепели, а брежневских заморозков, однако партийная диктатура была все-таки мягкой — жестких репрессий в то время не осуществлялось. В психушки прятали лишь тех, кто открыто, а тем более яростно выступал, как тогда говорили, против политики партии и правительства. Или же на основании тех статей, что существовали в уголовном кодексе, навешивали ярлыки и прятали за решетку за антисоветскую пропаганду. Тем не менее, повторюсь, репрессии не были столь жесткими и масштабными, как в сталинские времена. Потому-то и возможно было мне, судье, противостоять этому партийному диктату...

Приведу пример: в судебном заседании рассматривалось дело о браконьерстве. Директор местного завода — естественно, член партии — убил на охоте лося и, оставив его в лесочке, поехал за сачочками. На убитого лося напоролся заместитель начальника Быховской милиции и решил подождать в засаде, чтобы выяснить, кто же придет за добычей... Директора задержали, провели предварительное следствие, дело передали в суд. Я назначил рассмотрение этого дела с выездом в клуб по месту нахождения предприятия, директором которого был браконьер. Собралось, конечно, полным-полно народа, но тут оказалось, что накануне судебного заседания директор

не был исключен из партии. Тогда же существовало такое негласное правило: садить в тюрьму члена партии было нельзя — прежде следовало исключить... И вот идет судебное заседание, и директор отказывается от своих показаний, данных во время предварительного следствия. Рассмотрение дела заняло много времени, и я решил показательно воздать злодею за его преступление, тем более, что в брюхе у убитой лосихи оказалось два детеныша. Это большая редкость — у лосей обычно один детеныш рождается, а тут сразу два! То есть, по сути, три лося убил директор! Да еще так себя ведет — сваливает вину на заместителя начальника милиции, взявшего его с поличным: говорит, что, мол, это он убил лосиху, а я-де просто мимо проходил... Мало того, что совершил преступление, так ведь еще, лжец, — хочет невинного подвести под монастырь! Установить же правду помогла... газета «Правда». Дело в том, что в убитой лосихе нашли пыж из куска «Правды», а в доме директора нашли газету с точно таким же недостающим куском — подобные вещи криминалистами идентифицируются. Кроме того, был ряд иных доказательств. А он, подлец, решил уйти от ответственности путем грубой лжи! И у меня просто по-человечески, что называется, вырос на него зуб. Наказание же за браконьерство несерьезное — штраф, исправительные работы либо три года лишения свободы. Но с учетом всех обстоятельств сколько дашь директору? Год? Но тогда надо применять как бы условную меру с направлением на работу в места, указанные органами МВД. В народе такую меру наказания называют «химией». Видимо, потому что в Беларуси в те времена строились многие химические предприятия, и для этого использовали труд осужденных к лишению свободы от 1-го года до 3-х лет условно с направлением на стройки народного хозяйства. И суд отмеряет браконьеру одиннадцать месяцев лишения свободы. Директора взяли прямо в зале суда под стражу, и тот же заместитель начальника милиции отвез его в автозаке в могилевский изолятор.

Приезжаю домой — раздается телефонный звонок: «Придите к секретарю райкома партии». Иду.

— В чём дело?

— Как вы могли направить коммуниста в места лишения свободы?! Езжайте в тюрьму в Могилев и забирайте у него партийный билет!

— Не поеду. С какой стати? Согласно уставу партии вы должны

были его исключить. Я не обязан был изучать вопрос — исключен он или нет? В суде такие моменты не обсуждаются — это работа партийной организации и райкома партии...

Секретарь райкома вызывает прокурора: «Пиши протест». И мне:

— Погоняйло, если областной суд протест удовлетворит, и будет применена мера наказания, не связанная с лишением свободы, сам положишь партбилет! Понял?!

— Понял...

Но меня так просто не возьмешь! А это как раз было то время, когда товарищ Партия объявила борьбу с браконьерством. И я взял да и тиснул небольшую статейку в «Могилевскую правду» по факту браконьерства и решения суда по делу. Тем временем прокурор написал протест, и дело пошло в областной суд. Но ведь статья уже опубликована, да не где-нибудь — в печатном органе обкома партии! Что делать? Позвонили в обком, а там говорят: «Идет борьба с браконьерством, и раз газета выступила — оставляйте приговор в силе. Мы разберемся с этим коммунистом». Начальство, тем не менее, давит, и уговорили-таки районного прокурора обратиться к областному прокурору, чтобы уже он внес протест, и дело направили в Верховный Суд... Звонит мне его председатель — Алексей Бондарь, прекраснейший и умнейший человек, друг 1-го секретаря КПБ Петра Мироновича Машерова: «Погоняйло, где ты нашел такие весы, чтобы не год, не шесть месяцев лишения свободы дать, а одиннадцать месяцев?! Ты что такое придумал?! Мы оставили приговор в силе, отклонили протест, и знаешь почему? — только потому, что ты, мошенник, зарядил статью в областную газету, а это печатный орган обкома партии, мы же поперек мнения обкома партии пойти не можем: раз газета напечатала статью — это мнение обкома...»

В следующий раз делили квартиры — процедура принципиальная и щепетильная, ведь сколько в районе умудрялись построить жилых домов? — раз-два и обчелся, а желающих получить квартиру — масса. В том случае строительная организация решила построить дом за собственные средства и, отдав положенные десять процентов квартир району, остальное жилье распределила совместным решением администрации и профкома среди своих работников. Практика же была следующая: то, что вы там, администрация и профком, решили, ничего не значит — мы, райком, перераспределим так, как сами считаем нужным! И разгорелся скандал — шум подняли те, у кого райком

отнял квартиры. Начали идти письма — в обком, ЦК КПБ, ЦК КПСС. Пошли проверки. Но кто-то научил тех, у кого забрали квартиры: а вы обратитесь в суд на предмет признания выданных райисполкомом ордеров на жилье недействительными. И — обратились. Дело действительно дошло до суда, но я решил действовать по закону: решение администрации и профкома есть? — следовательно, ордера на перераспределенные квартиры недействительны. Но тут опять такой шум поднялся! Ведь кому-то отвечать теперь надо! А это же была обычная практика райкомов — как не нагреть руки за счет чужого? Район — это их «парафия», какая тут может быть администрация, какой профком?! В результате из райкома поступает команда: администрации и профкому пересмотреть свое решение в пользу тех, кому указал райком партии, а райисполкому выдать ордера на жилье. Те головы понурили и — ко мне: «Что, Гарри Петрович, нам делать?» Я говорю: «Принимайте то же самое решение, иначе вам свои головы придется нести на плаху. Вы ж коммунисты? — коммунисты. Обидели райком? — вот он и снимет с вас голову. Поэтому или боритесь до конца за свое решение, или несите головы на плаху — это уже ваш выбор». И они приняли свое старое решение. А тем временем разворачивается уже настоящая борьба — дело-то дошло до партийных верхов, а там же иногда популистски действуют: «Работяг хотите обидеть?! Не выйдет! Всё оставить, как есть, никаких пересмотров! Суд правильно всё решил». А коль дело приняло такой неожиданный оборот, какое отношение может быть у райкома партии к такому судье, то есть ко мне? И начались подковерные интриги... Только как меня можно ущучить? Я порой ночами работал, чтобы выточить решение так, чтобы оно потом не было отменено...

К слову, поначалу я хотел заняться юридической наукой и занимался в аспирантуре, уже была тема для диссертационного исследования, были публикации, но трудно было разорваться между Быховым и Минском, между судейской работой и подготовкой диссертации. К тому же загруженность была колоссальная: ежегодно я рассматривал около 700 гражданских дел и 220–230 уголовных. И за пять лет работы судьей ни один мой приговор отменен не был. Ни один! Это тоже уникальный результат. Был изменен лишь один приговор: в областном суде посчитали, что суд первой инстанции назначил чрезмерно суровое наказание — 1 год и 6 месяцев лишения свободы за хулиганство, — и применили так называемую «химию». Впрочем, это

ошибка, за которую не «казнят». Да и ошибка весьма относительная.

Таким образом, подловить меня на профессиональных ошибках оказалось делом весьма затруднительным. И меня взяли по-другому. Дело в том, что в те годы маленьких районных начальников от имени райкома закрепляли за какими-нибудь хозяйствами — колхозами и совхозами, и ты должен был, начиная от посевной и заканчивая уборочной страдой, опекать «свое» хозяйство... И вот идет косовица хлебов, я приезжаю в «свой» совхоз, а там стоят на линейке три комбайна — ни один в поле не вышел. Спрашиваю:

— Почему?

— Тут такой-то детали не хватает, тут — другой...

— Ездили в «Райсельхозтехнику»?

— Ездили, но там тоже нет нужных деталей.

— Тогда снимайте детали с этого комбайна и ставьте их на два других. В итоге они выйдут в поле, а один пусть стоит и ждет, когда будут запчасти...

К вечеру в совхоз приезжает инструктор ЦК КПБ, спрашивает:

— В чём дело, почему комбайн стоит?

— Потому что деталей нет.

— Как это произошло?..

— А вот был тут представитель райкома партии — судья Погоняйло, который сказал снять детали с этого комбайна и поставить на два других.

— Как?! Судья?! Юрист?! Это же разукomплектование сельхозтехники!..

А дело в том, что такой состав преступления в самом деле существовал. И вот едет инструктор ЦК прямоком в райком и пишет на меня докладную. Вызывают меня в райком, ставят в торец стола и дают выговор, хотя сами прекрасно понимают, что, несмотря на то, что я не специалист в сельском хозяйстве, но решение принял правильное — два комбайна ведь вышли в поле!.. Правда, выговор этот я обжаловал — его потом сняли.

В другой раз дело было осенью. Начались дожди, техника увязает в поле. Что делать? Я говорю директору совхоза:

— Бери решение на себя. Что ты у меня спрашиваешь?

— Но ты же понимаешь, что и с тебя спросят.

— Я не специалист, но могу подсказать: те поля, что замокли, оставь на более удобное время, а пока брось всю технику на те участки,

где посуше и где можно снять урожай...

И хотя директор совхоза так и поступил, но с уборкой затынул — вот уже и зима легла, и снег упал на поля... Едет прокурор — видит, что урожай с полей не убран, и пишет докладную в райком партии. Директора совхоза вызывают, он оправдывается: «Это Погоняйло приказал. Причем тут я?!» Я подтверждаю: «Так и было, потому что с этих полей он не мог взять урожай, а с тех еще успевал. Я не Господь Бог, чтобы знать, как природа-мать распорядится и какую погоду выдаст. Но директор совхоза должен был постараться и с замокших полей урожай убрать. Почему он затынул процесс уборки? Вы проверьте график выхода техники, проверьте, была ли у него возможность спасти урожай? Что вы сразу на меня нападаете?!» Выговор, строгий выговор, чуть ли не партийный билет на стол положи! Да еще грозили взыскать убытки за полегший под снегом хлеб! Особенно старался 2-й секретарь райкома: «Нам, райкому, не понятно... Мы, райком...» И все-таки я настоял, чтобы агротехническая служба райисполкома проверила график выхода техники. Тогда и выяснилось, что время убрать урожай у директора совхоза действительно было. В результате он получил выговор...

Не могу сказать, что подобное происходило ежедневно, но, постоянно ощущая такой прессинг, я прекрасно понимал, что если где-то оступлюсь — пощады не будет. Поэтому после пяти лет работы в Быховском районе должность судьи решил оставить. Мне предлагали пойти в вышестоящий, областной суд, однако я не стал менять свое решение. А как раз в это время, весной 1976 года, в суд с проверкой приехали представители Министерства юстиции. Посмотрев мои показатели работы и общественную деятельность, удивились: как можно было в небольшом районе так организовать работу?.. В конце марта я лег в больницу — у меня оказалось застарелое воспаление легких, которое я перенес на ногах. И там, в больнице, я получил телеграмму о даче согласия на перевод в аппарат Министерства юстиции с сохранением судейского заработка на должность ведущего специалиста управления судебных органов. Я, конечно, согласился. Тем более, что я минчанин, и в Минске жили мои мать, сестра и старший брат. Да и мне хотелось вернуться в Минск. Тогда-то и пошла в гору моя чиновничья карьера — менее чем через три года я был уже начальником отдела адвокатуры...

Что касается пяти лет судейской работы, у меня порой спрашивают: трудно ли было вершить судьбы других? И хотя фактически так оно и было, я никогда не оценивал свою работу таким высоким мерилом. Обычно я говорил: если суд земной — не Божий — посчитал твою вину доказанной, ты должен понести наказание в рамках той санкции, которая определена законом. Другое дело, что рамки эти, по существу, резиновые — можно такой вынести приговор, а можно и эдакий. И если я руководствуюсь исключительно законом, значит, не поступаю ни профессиональной честью, ни совестью. Я всегда очень щепетильно относился к вопросу о наказании. Вот если бы я в силу, скажем так, непрофессионализма закладывал квалификацию более тяжкого преступления, чем человек фактически совершил, и соответственно давал ему более тяжкое наказание, тогда да — это был бы грех и против профессии, и против людей, и против Бога. Но когда я применял санкцию в рамках доказанного, в таком случае никакой черты не преступал. Под моим председательством ведь были и оправдательные приговоры — людей из-под стражи освобождали или же снижали наказание на более мягкое, переквалифицировали с тяжкого преступления на менее опасное, чем это давалось следствием, и просил в речи прокурор. И на этой профессиональной почве и со следствием, и с прокурором у меня случались серьезные столкновения, поскольку если решение суда расходилось с их обвинительной версией, то это расценивалось как потеря качества работы...

Тут, по-видимому, сыграли свою роль моя адвокатская закваска и, не исключая, определенные личные качества: я был дотошным и очень глубоко изучал материалы любого дела, тщательно проверял достаточность собранных следствием доказательств, улик, правильность квалификации. Иногда ночами не спал, обдумывая формулировки обвинительного, а уж тем более оправдательного приговора. Порой даже приносил дела домой, хотя этого и нельзя было делать, но я, еще и еще раз просматривая какое-нибудь сложное дело, искал судебную практику по аналогичным случаям — у меня большая библиотека юридической литературы. Такие подход и воспитание были привиты мне нашими педагогами-профессорами Иосифом Гореликом, Иваном Тишкевичем и другими. Тяга к исследовательской работе, необходимость перевернуть-перелопатить многое, прежде чем сделать определенные выводы, и привела к такому, в общем-то, уникальному результату, когда за пять лет у меня не было отменено ни

одного приговора — чем до сих пор могу гордиться.

Я всё пропускал через сердце. И долго раздумывал, какую меру наказания назначить при осуждении того или иного человека. И над подобными размышлениями порой горевал до часа, до двух ночи, а люди всё это время ждали, поскольку я с народными заседателями находился в совещательной комнате. И всё потому, что на следующий день были назначены другие дела, отложить которые я не мог, так как это привело бы к нарушению сроков их рассмотрения, что оценивалось как процессуальное нарушение, которое мне, судье, дорого бы обошлось — правосудие должно осуществляться в установленные законом процессуальные сроки.

Я, что называется, семь раз отмерял и только один раз отрезал. И порой даже спорил с горячими головами народных заседателей, настаивавшими на более жестких мерах наказания или наоборот — неоправданно мягких. Иногда — когда все-таки невозможно было уговорить — исхитрялся прервать процесс, приглашал новых народных заседателей и начинал судебный процесс по-новому. Это, конечно, было не по правилам, но я вынужден был так поступать, чтобы моя профессиональная совесть была спокойна — именно я отвечал за окончательный приговор. Формально, конечно, решение принимал суд в составе трех человек: народного судьи и двух народных заседателей, которых в народе прозвали «кивалами», поскольку они, как правило, подписывали всё, что угодно, соглашаясь с судьей. Однако иногда верх брала местечковость, когда люди из одной местности, вдруг могло оказаться, что они либо свояки с подсудимым, либо его близкие друзья, — народных заседателей приглашала, как правило, наша канцелярия. И вдруг они начинали склонять тебя к определенному, выгодному для них судебному решению: «Мы подпишем вдвоем такой вот приговор — и вы обязаны будете его составить, — а сами можете писать свое отдельное мнение». Такие казусы действительно случались. Я же сам учил их правам!..

За пять лет судейской практики случались и сложные дела — и по фактическим обстоятельствам, и по юридической квалификации, и просто по человеческой судьбе, когда ты хотел разобраться: что именно привело этого человека к скамье подсудимых?.. Государство же вручило тебе, судье, своеобразный скальпель, которым ты можешь полоснуть по чьей-то судьбе... Я понимал, что истину знает только Господь Бог. Никто — ни следователь, ни прокурор, ни даже самый профес-

сиональный суд не может знать истинную подоплеку дела — мы можем лишь приблизиться к истине. Вот это приближение и давало возможность работать профессионально и надеяться, что переоценка другими юристами того, что ты скрупулезно исследовал и оценил, просто невозможна.

Впрочем, не каждое дело требовало огромной отдачи — случались и рядовые, проходные дела: скажем, берешь пятнадцать дел о самогоноварении и в течение суток их рассматриваешь. Пятнадцать дел — пятнадцать приговоров. Там всё было понятно и очевидно, там судебной ошибки быть не могло. Большой отдачи требовали дела о взяточничестве, изнасиловании, хищении, грабежах, разбойных нападениях, об убийстве, наконец: в некоторых было подчас столько нюансов, особенно когда встречались групповые дела, и надо было вычленить действие каждого из участников и соразмерно отмерить меру наказания...

Будучи уже адвокатом, я многие дела выигрывал вовсе не потому, что встречались непрофессиональные судьи, а по той причине, что вал дел, который был вчера, есть сегодня и будет завтра, многим моим коллегам не позволяет глубоко работать над материалами, и когда их убеждали разумные аргументы, они прислушивались. Ныне же не встречался со случаями, чтобы кто-нибудь из судей районного или городского суда до темна вел заседания или же, беря дела домой, штудировал юридические «буквари» — так мы называли кодексы, научные монографии, многотомные фолианты судебной практики Верховных Судов БССР и СССР. Только когда всё это изучишь, проанализируешь и положишь на обстоятельства конкретного дела, лишь тогда можно найти правильное решение и написать судебное постановление таким образом, чтобы шансов на его отмену практически не оставалось. Труд огромный.

МИНИСТЕРСКАЯ ПРАКТИКА

Министерство юстиции было воссоздано по решению правительства в 1969 году. Ранее, в хрущевские времена, когда много говорилось о том, что мы приближаемся к светлому коммунистическому будущему, при котором преступность должна будет изжить себя, были сокращены штаты правоохранительных органов, ликвидировано Министерство юстиции, а их функции — в том, что касается судебной деятельности и финансирования судов, — переданы Верховному Суду. Кроме того, при Совете Министров была организована Юридическая комиссия, осуществлявшая методическое руководство нотариальной деятельностью, правовой работой в народном хозяйстве и общее руководство адвокатурой, там же осуществлялось руководство службами загса, облизполкомов и райисполкомов. Уже после восстановления Министерства юстиции были соответственно созданы и структуры министерства и отделы юстиции при облизполкомах. И когда я пришел в управление судебных органов, это была зрелая структура, занимавшаяся вопросами организации судебной деятельности, исполнением приговоров и судебных решений, подбором и расстановкой кадров и их профессиональным обучением, подготовкой законопроектов. Министром был Александр Александрович Зданович. Отделы и управления возглавили опытные юристы, бывшие члены Верховного Суда и руководители структур Юридической комиссии при Совете Министров БССР: В. Т. Калмыков, Б. М. Дымент, Т. А. Петрова, В. Ф. Чередниченко, А. М. Хвостов и другие.

На меня, как на ведущего специалиста, была возложена работа по организации и непосредственной проверке судов: проверялось качество судебной работы, существовавшие в судах микроклимат и атмосфера среди работников, организация приема граждан, исполнения судебных приговоров, решений, а также такие виды общественной и профилактической деятельности, как выездные судебные заседания, вынесение частных определений, обучение народных заседателей, методическая помощь товарищеским судам, повышение профессиональной деятельности судей. Всё это многообразие вопросов и исследовалось в ходе проверок, к которым привлекались, как правило, члены областных или Верховного Суда; в ряде случаев проверки проводились комплексно — тогда уже проверялись органы ми-

лиции, прокуратуры, нотариат, адвокатура и суды конкретного района или области.

Нами также готовились постановления коллегии Министерства юстиции по вопросам организационной деятельности судов — на это обращали особое внимание, поскольку мы не должны были заниматься практикой рассмотрения конкретных дел судьями — какой закон был применен, в какой мере были соблюдены процессуальные нормы при разрешении того или иного дела. Круг интересующих нас вопросов был связан, в первую очередь, со сроками и организацией рассмотрения дел в целом и, конечно, изучалась статистика работы судей: сколько решений и приговоров отменено-изменено, по какой причине. Наконец, существенный вопрос — строительство новых зданий судов, поскольку к 1970-м годам суды были в запущенном состоянии, многие находились в стесненных условиях и в нетиповых, непригодных зданиях. Всё это должно было решать Министерство юстиции.

Кроме того, я много занимался подготовкой различных методических материалов для судей. Так, в конце 1970-х — начале 1980-х годов в соавторстве с коллегами написали несколько пособий: «Настольная книга народного заседателя», «Юридический справочник для населения», «Научно-практический комментарий к положению о товарищеских судах», «Вопросы уголовной и административной ответственности несовершеннолетних» и так далее — то, что было близко и знакомо мне по предыдущей, судебной работе.

По-видимому, мои старания были замечены, и вскоре меня перевели на должность заместителя начальника отдела, а затем, в 1978 году, я возглавил отдел адвокатуры. Это была новая структура в составе министерства, образованная в связи с необходимостью усиления общего руководства деятельностью адвокатуры, которая численно росла. Обновлялось действующее законодательство. В 1977 году была принята новая, так называемая брежневская Конституция СССР, после чего последовало бурное обновление законодательных норм, связанных в том числе с деятельностью правоохранительных органов: принимались новые законы СССР о прокуратуре, адвокатуре, нотариате и судебной деятельности. Мы тоже участвовали в этой законопроектной работе, однако прерогатива принадлежала, конечно, Министерству юстиции СССР. Кстати сказать, отвечал за подготовку основных законопроектов Михаил Горбачев²², бывший

в то время уже членом Политбюро ЦК КПСС, юрист по образованию. Я несколько раз выезжал в Москву для подготовки союзного закона об адвокатуре. И когда он, наконец, был принят, возникла необходимость в соответствующих нормативно-правовых актах на уровне союзных республик. Беларусь была первой, кто принял такой акт — мы подготовили основательный закон в виде Положения об адвокатуре Белорусской ССР, который в 1981 году был принят на сессии Верховного Совета БССР. Столь высокого уровня в принятии аналогичных нормативно-правовых актов нигде в союзных республиках не было. Мы же сумели убедить законодателей поднять уровень данного нормативного акта прежде всего для того, чтобы отношение к нему было аналогичным отношению к законам о нотариате, прокуратуре и судебной деятельности — он находился вровень с этими законами.

Еще одна примечательная веха — создание Минской городской коллегии адвокатов. К началу 1980-х, когда в Минске начали действовать городские суд и прокуратура, городское управление внутренних дел, мы поняли, что необходимо создать и городскую коллегию адвокатов, поскольку Минская областная коллегия адвокатов в связи с тем, что город рос, тоже численно росла. И то, что городская коллегия есть и действует, мы заложили в Положение об адвокатуре Белорусской ССР. Уже после его принятия, по согласованию с Минским горкомом партии и Минским горисполкомом, провели учредительное собрание Минской городской коллегии адвокатов, пригласив на него представителей областной коллегии. Горисполком выделил помещение под президиум городской коллегии, а в последующем предоставил помещения и под юридические консультации. Таким образом, городская коллегия, насчитывавшая более сотни адвокатов, начала нормально функционировать уже с момента образования.

Это было время, когда мне пришлось посмотреть на юридическую профессию с несколько иной стороны: именно тогда я понял, что профессию эту нужно постоянно изучать и постигать, поскольку когда руководишь людьми, должен быть чуть-чуть впереди остальных, а чтобы быть впереди, надо знать все новейшие научные, методические и аналитические разработки, чему способствовало в том числе то обстоятельство, что Министерство юстиции СССР постоянно привлекало меня к обобщениям практики и внутри своей структуры, и в министерских структурах союзных республик. Такое регулярное взаимодействие с коллегами также увеличивало наши познания, на-

капливался опыт.

Это была интересная практика и не менее интересное время. Хотя было, конечно, и много чисто чиновничьего, рутинного. Адвокаты привыкли, что суды с ними не считаются, что они лишь формальный довесок к судебной системе, их ораторские способности ни к чему — судебное решение всецело зависело от судьи, от его знания закона, совести и внутреннего убеждения. И хотя мы говорили, что на это убеждение адвокату надо пытаться воздействовать, что его надо формировать путем использования всех законных средств и способов защиты клиента, тем не менее советская школа судебной практики со сформировавшимся обвинительным уклоном изначально не принимала во внимание мнение адвоката. Тогда был известен такой анекдот. Молодой адвокат спрашивает у пожилого опытного коллеги:

— Хорошо ли я сегодня выступал?

— Да, но видишь: результат-то противоположный — суд не прислушался к твоему мнению.

— А зачем тогда вообще нужен адвокат?

— Вот смотри: идет похоронная процессия, впереди несут гроб, за ним шествуют скорбящие родственники, друзья и коллеги, несут венки, в конце процессии движется духовой оркестр. Звучит траурная мелодия. Как думаешь: нужен ли покойному духовой оркестр?

— Думаю, что нет.

— Правильно. Но — традиция!

Именно такое отношение бытовало в советское время на практике применительно к адвокатам. Более того, адвокатуру называли «кладбищем юристов», поскольку если судью, прокурора или следователя по какой-то причине освобождали от занимаемой должности, они прямиком шли в адвокатуру и таким образом спокойно доживали до пенсии — ты ничего не решаешь, от тебя ничего не зависит, но ты остаешься в профессии. Такое отношение к адвокатуре не могло, безусловно, не сказаться на кадрах, на их профессиональном уровне. О прежних временах — когда были известные юристы, на чьи выступления в суде ходили как в театр, — говорили не иначе, как с ностальгией. Впрочем, несмотря на такое, по сути, уничижительное отношение к советской адвокатуре, сама эта формация продолжала существовать, поскольку без нее вроде как не могло быть правосудия. Ведь если есть сторона обвинения, значит, должна была быть и сторона защиты, причем и те, и другие должны были помочь суду разо-

браться в конкретном деле.

По своей природе работа адвоката должна быть очень скрупулезной, она требует соответствующего склада ума, чтобы суметь найти защитительные материалы в представленных суду делах и использовать всё, что можно употребить во благо клиента и того решения, которое должно быть принято судом и которое было бы законным и справедливым. Потому что одно дело — говорить на публику красивые слова, осознавая при этом, что ничем клиенту помочь не можешь, и совсем другое — пытаться реально помочь, причем не только клиенту, но прежде всего правосудию: чтобы оно свершилось и чтобы судебный вердикт был обоснованным и законным. Под этими двумя терминами, «законность» и «обоснованность», мы понимаем еще и справедливость — это тождественные понятия, поскольку не может быть приговор справедливым, если он незаконный, необоснованный.

Конечно, и в советское время были адвокаты, мастерски владевшие не только словом, но и всем вербальным арсеналом: жестами, мимикой, наконец, умением создавать необходимый эмоциональный настрой в зале суда. Но основная масса адвокатуры была обычной серой массой людей, ни во что не верящих, не желающих особенно много трудиться, работающих по принципу: петух прокукарекал, а там хоть рассвет не наступай! Единственной их заботой была возможность получить гонорар. Хотя повторюсь: от адвоката конечный результат, безусловно, мало зависел — он мог лишь способствовать благоприятному для клиента исходу дела. Результат зависел от судей. Тем не менее, это не могло быть поводом, чтобы опускать руки.

Я всегда убеждал коллег, что от нас все-таки что-то зависит, что поле для творческой деятельности существует. Особенно в гражданских делах, поскольку именно адвокат должен был помочь клиенту собрать необходимый доказательный материал, найти те законы, которыми регулируются правоотношения и которые должен будет применить суд, помочь выстроить правильную позицию по делу и, наконец, использовать процессуальные формы и методы поиска и исследования доказательств в суде. По существу, хороший адвокат в судебном процессе руководит самим этим процессом, именно он подводит суд к тому решению, которое будет в результате принято. И хотя мы очень ратовали за серьезную специализацию деятельности адвокатов, за их широкое участие в гражданских делах, тем не менее для советской адвокатуры было характерно пренебрежение

к участию в гражданских делах — в административных и уголовных делах адвокаты сидят на «давальческом» сырье: органы дознания, уголовного преследования набрали материал (естественно, обвинительный), прокуроры согласились с их позицией, дело передается после завершения предварительного следствия в суд, и уже суд оценивает собранные доказательства, как правило, соглашаясь с их достаточностью и допустимостью, после чего выносит обвинительный приговор — оправдательных было крайне мало, они составляли всего 0,2–0,3%. А по гражданским делам сами стороны должны были готовить процесс. Суд, конечно, может помочь в этом, но основное бремя сбора и предоставления доказательств, их оценки, изложения, правовой позиции возлагается на участников процесса, в частности, на адвоката, который и должен обеспечить эту работу. От того, насколько профессионально и тактически грамотно он это сделает, и зависит степень защиты прав клиента в суде. Очень сложные бывают дела по вопросам наследства, по жилищным и земельным правоотношениям, дела, возникающие из автодорожных происшествий, — тут подчас много коллизий, которые и препятствуют поиску истины. Однако истину всё равно надо найти. По существу, работа адвоката — очень интересная, но тут требуется одно условие — надо хотеть работать. Впрочем, если позиция изначально не правовая, то лучше отказаться от такого дела и не брать грех на душу — не принимать деньги, которые явно не отработаешь в пользу своего клиента. Мы порицали адвокатов, бравшихся за гражданские дела, по которым не было судебной перспективы.

Годы работы в Министерстве юстиции — а я проработал там около четырнадцати лет — это, прежде всего, встречи с людьми, это огромное количество поездок по всей советской стране и по Беларуси — за четырнадцать лет не осталось района, где бы я не побывал. К тому же у меня в характере никогда не было назидательности, я не относился к коллегам как к подчиненным — они были для меня только друзьями и товарищами по профессии. Я же сам в свое время начал с адвокатуры, поэтому и мое отношение к коллегам изначально базировалось на благосклонности. Конечно, такая работа в поездках разительно отличалась от кабинетной, когда сидишь изо дня в день в четырех стенах и изнурительно пишешь никому не нужные бумажки, или же не столь нужные и эффективные, как тебе самому порой кажется.

НА ВОЛНЕ ПЕРЕСТРОЙКИ: СНОВА АДВОКАТ

Еще во время работы в Министерстве юстиции я был заместителем секретаря партийной организации по идеологии. Диссидентом я, конечно, тогда не был и, хотя довольно критически воспринимал всё происходящее, верил в правильность избранного пути, коммунистических идей. Это было вполне естественно, поскольку мы не знали, что же в реальности происходило в стране и что впоследствии, в период гласности, стало широко известно. О происходящем мы судили лишь по телевизионным новостям, газетам и радиоэфирам.

К концу 1988 года я ушел из министерства. Единственной идеологией в стране была коммунистическая, действовала одна партия, «руководящая и направляющая сила», всё остальное считалось едва ли не преступным инакомыслием. Но уже всю набирала обороты горбачевская перестройка, и активно обсуждался вопрос реформирования и модернизации партии и руководства страной — в этой связи звучали многообещающие заявления Горбачева, об этом же говорилось на XIX партийной конференции²³. Гласность принесла ветер свободы, близких перемен, плюрализм мнений!

Мы тоже готовили соответствующие документы — лично я внес около двадцати предложений по вопросам, которые могли бы реформировать партию, приблизить ее к тем целям, которые определялись Горбачевым как «социализм с человеческим лицом». В этом смысле своеобразным образцом и мерилom для меня был пример Китайской Народной Республики, о котором я знал не понаслышке: во второй половине 1980-х к нам приезжала китайская делегация во главе с министром юстиции, которую я сопровождал. В поездке по республике мы много говорили о Китае, о том, что там происходит. К разговору я был готов, многое изучил. Реформацию Китая начал Дэн Сяопин²⁴ в 1977–1979 годах, когда и были одобрены и проведены основные экономические реформы, при которых Коммунистическая партия сохранила свое влияние в государстве и обществе, и произошло открытие резервов экономического развития страны. Дэн Сяопин провозгласил важнейший, понятный всем лозунг: «Обогащайтесь!» Сегодня мы видим, к каким результатам это привело: Китай стал величайшей экономической державой и в ближайшие годы может обойти даже США. То, о чём мы так долго говорили — «догоним и перегоним» — Китай реализовал на практике. К слову, припомнилось: когда еще работал на 11-м ГПЗ, токарный станок, на котором я точил детали, так и назывался — «ДИП-200», что расшифровывалось как «догоним и перего-

ним»... Но что касается двадцати моих предложений: они были озвучены на партийном собрании, и за них проголосовала партийная ячейка Министерства юстиции, после чего мои предложения — как и предложения других коммунистов — обсуждались на районной, а затем и на областной партконференциях, в ЦК КПБ и, наконец, в ЦК КПСС. XIX партконференция должна была подытожить всю ту массу предложений, которая исходила от рядовых коммунистов и из первичных парторганизаций всей страны. Но пока наши предложения двигались «снизу» «вверх», они претерпели такую трансформацию, что ни о каких коренных изменениях КПСС не могло быть и речи.

Трагедия Михаила Горбачева заключалась, по-видимому, в том, что, хотя он и возглавил это движение, Генеральный секретарь ЦК КПСС и его окружение не сумели воспринять шедшие «снизу» сигналы, инициативы. В результате начались брожение и выход рабочих из партии, а нас же учили, что КПСС — партия рабочих и крестьян. Это стало происходить еще до ГКЧП²⁵. Тогда-то я и принял решение больше не баллотироваться на должность секретаря парторганизации Министерства юстиции, что, естественно, должно было привести к конфронтации с министерским руководством, поскольку выходило, что по отношению к партийной власти, существовавшей наравне с властью административной, я отныне был не лоялен. Это была одна из причин, почему я подал заявление об увольнении по собственному желанию, а затем и вышел из рядов партии. Тогда же решил вернуться к адвокатской деятельности, хотя понимал, что многие воспринимают меня не как адвоката, а всего лишь как чиновника: одно дело — руководить, как тогда говорили, руками, и совсем другое — окунуться в профессию и суметь доказать коллегам, что ты не только не хуже их — теоретически, а и на практике можешь быть лучше их. Поэтому, не желая пользоваться своим прошлым должностным положением и авторитетом, я предложил президиуму Минской городской коллегии адвокатов не назначать меня заведующим консультацией, как это планировалось, а провести выборы, причем на альтернативной основе. И хотя по Положению об адвокатуре выборы не были предусмотрены, тем не менее они состоялись — все-таки это более демократическая форма, чем назначение, — и меня практически единогласно избрали заведующим консультацией Советского района Минска. Так, с 1 января 1989 года я снова стал адвокатом. Время перемен породило надежду, что теперь смогу полностью посвятить себя давнишней своей мечте — защищать людей от произвола и беззакония, помогать им в борьбе со злом и несправедливостью.

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

Тогда же я стал думать о создании Союза адвокатов — идея эта давно вызревала в адвокатской среде. Было очевидно, что времена наступают сложные, и адвокатуре нужна была сильная общественная организация, наделенная важной конституционной функцией — правом законодательной инициативы. Идея была поддержана в том числе в Министерстве юстиции. Подготовив соответствующие документы, мы провели учредительный съезд, на котором подавляющим большинством голосов меня избрали первым президентом Союза адвокатов.

Мы не наделяли президента и в целом организацию какими-то управленческими обязанностями и полномочиями (по отношению к адвокатам), которые можно было бы использовать для последующего администрирования адвокатской деятельности. Это было сделано позже, когда президент Лукашенко внес изменения в Закон об адвокатуре и создал Республиканскую коллегия адвокатов, ставшую управленческой структурой, которая, по существу, похоронила ту общественную организацию, которую я создавал в начале 1990-х...

В 1991 году, после объявления независимости Республики Беларусь, начало бурно меняться действующее в стране законодательство, в том числе налоговое. Адвокатов собирались, по сути, уравнивать в налогообложении с коммерческими структурами. Это, конечно, было бы непосильное налоговое бремя. Мы пытались и законодателям, и Совету Министров объяснить, что адвокаты, по существу, не работают на прибыль — всё, что они имеют, получают от граждан, поэтому могут платить исключительно подоходный налог с начисленного заработка, который формировался за счет гонораров, т. е. средств, полученных от клиентов. (К слову сказать, в ряде случаев юридическая помощь вообще оказывалась гражданам бесплатно, в том числе за счет бюджетных средств — в случаях, предусмотренных законом.) А если на адвокатов возложить все налоги, применяемые согласно законодательству к коммерческим субъектам, им пришлось бы платить и налоги на прибыль, на добавленную стоимость, на землю, чернобыльский налог... Мы очень настойчиво пытались доказать, что не работаем на прибыль, что как таковой прибыли у нас вообще нет и не может быть, соответственно, нет и налоговой базы — за исключением исчисления подоходного налога. Но с нами не соглашались, нам не верили, поскольку специфику адвокатуры многие просто не знали. И если бы

все эти налоги действительно были возложены на адвокатов, нам бы пришлось непомерно завышать размеры наших гонораров. Это привело бы, с одной стороны, к тому, что граждане были бы практически лишены возможности пользоваться доступной для них юридической помощью, а с другой стороны, адвокаты зарабатывали бы гораздо меньше, и наша профессия уравнилась бы с другими низкооплачиваемыми профессиями, в итоге престиж адвокатуры оказался бы подорван.

Впрочем, наши хождения по высоким кабинетам особых результатов не принесли. И тогда на одном из заседаний Союза адвокатов мы пришли к решению о необходимости проведения пикетирования здания правительства и Верховного Совета, кроме того, не исключали объявления забастовки, т. е. невыход адвокатов на работу в юридические консультации, суды, следственные изоляторы, по вызовам следователей... И действительно, несколько дней мы пикетировали здания правительства и Верховного Совета, а на 18 августа 1991 года была назначена забастовка, причем не только в Минске, но и по всей стране. Однако в этот день, как известно, случился ГКЧП, и меня, как президента Союза адвокатов пригласили на коллегию в Министерство юстиции с тем, чтобы забастовку запретить. Забегая вперед, скажу, что забастовку мы, конечно, отменили, но в памяти осталось само это заседание коллегии, где обсуждался проект приказа министра юстиции, связанного с выполнением требований ГКЧП, который признавался легитимным органом власти, а его приказы — обязательными для всех госучреждений, входящих в систему Минюста. Не припомню, чтобы кто-либо из членов коллегии или же приглашенных на коллегию выступил хоть с какой-то критикой — все сидели, прижав уши. Я как президент Союза адвокатов был, в отличие от присутствовавших, более независим, поэтому и высказал собственную оценку, охарактеризовал ситуацию как неконституционный военный путч и обратил внимание на то, что наше правительство и Верховный Совет приняли очень мягкие, по сути, нейтральные постановления, из которых совсем не вытекало, что, например, Верховный Совет поддерживает ГКЧП. Все-таки в условиях объявления независимости республики мы уже не столь рьяно ориентировались на «центр». Поэтому я и просил коллегию Министерства юстиции не торопиться брать под козырек, а критически осмыслить происходящее. По моему мнению, это было крайне опасно — следовать исходящим из Москвы идеям. Тем более, что даже ЦК КПБ не выступил с четкой позицией по этому вопросу. «Давайте не спешить и не ставить телегу впереди лошади», — го-

ворил я тогда. Мое выступление не вызвало абсолютно никакой реакции — все молча восприняли его, хотя, надо отдать должное, никто не пытался прервать меня и сказать, что я не прав, что нельзя так резко оценивать происходящее и называть это государственным переворотом. Впрочем, после коллегии руку на прощание тоже никто не подал.

Но самое интересное было впереди: когда буквально через три дня гнойничок этот в Москве рассосался, тогда в мой адрес вдруг начали звучать дифирамбы: «О Гарри Петрович, вы так смело выступили на коллегии! Не побоялись! Молодец!» Зато самих членов коллегии стали вызывать в Генеральную прокуратуру в связи с возбуждением уголовного дела по факту содействия мероприятиям ГКЧП. Не знаю, чем завершилось это расследование, но к уголовной ответственности никто привлечен не был — видимо, спустили дело на тормозах, чтобы не придавать особого значения этим событиям и не афишировать в глазах общественности, что и в Беларуси тоже были чиновники, активно содействовавшие объявленным ГКЧП мероприятиям...

Что же до нас, адвокатов, то после проведения пикетов наши документы были рассмотрены уже более внимательно, и поставленные нами вопросы были решены в пользу адвокатуры. Это произошло впервые на постсоветском пространстве. Нас освободили от всех видов налогов и сборов, сохранили свободу договоров при определении сумм гонораров за юридическую помощь, повысили ставки, а также были четко определены условия оплаты труда адвокатов при оказании бесплатной юридической помощи за счет бюджета: из каких бюджетных источников должны были выделяться ассигнования, в каком порядке они должны были перечисляться финансовыми органами местных органов власти коллегиям адвокатов, какая отчетность должна предоставляться под эти виды бесплатной юридической помощи и как должна в целом контролироваться ситуация по соответствующим выплатам. Таким образом, мы вздохнули с облегчением. Когда же позже был принят Закон «Об адвокатуре в Республике Беларусь», в него, естественно, были включены и положения о безналоговой деятельности коллегии адвокатов...

Еще изначально мы подразумевали, что республиканское общественное объединение имеет право законодательной инициативы, а это значит, что мы могли активно работать с нашими законодателями по продвижению и лоббированию проектов в области прав человека и в области процессуальной деятельности. Сначала мы взялись за проработку правовой реформы, концепция которой была разработана со-

вместно с представителями адвокатуры, прокуратуры, судов и ученых. Эта судебно-правовая реформа была одобрена решением Верховного Совета в виде постановления и таким образом приобрела законодательную форму, а в 1993 году мы смогли реализовать одно из мероприятий этой реформы — тот самый Закон «Об адвокатуре в Республике Беларусь», имевший открыто демократический характер, предлагавший независимое формирование органов адвокатского самоуправления, различные некоммерческие формы и статус адвокатских образований с минимальным вмешательством государства в деятельность первичной адвокатуры. Хотя еще во время работы над проектом встретились с прямо-таки яростным сопротивлением: в адвокатской среде был разработан проект альтернативного Закона «Об адвокатуре», возвращавший нас в советское прошлое, сохранявший коллегии адвокатов как единую организационную форму их деятельности. Однако, к счастью, инициатива эта потерпела крах. Наш же Закон «Об адвокатуре» был снова первым подобным законом на всём постсоветском пространстве. И хотя нескромно об этом упоминать, но основным его разработчиком и лоббистом в парламенте являлся автор этих строк...

Используя республиканский статус нашей организации, мы вошли и в рабочую группу по подготовке Конституции — в частности, я участвовал в разработке статей, касающихся прав и свобод человека, деятельности судов и прокуратуры. Были и другие принципиально важные для нас проекты: Закон об иностранных инвестициях и Закон о защите иностранных инвестиций, поскольку речь шла об экономических реформах и о привлечении в страну иностранного капитала. Конечно, это была деятельность несколько иного рода, тем не менее, и тогда пригодились знания и умения в законодательной технике, приобретенные во время работы в Министерстве юстиции...

После принятия Закона «Об адвокатуре» роль адвоката в обществе стала резко возрастать. Во-первых, адвокатам предоставлялась возможность более активно собирать доказательства; во-вторых, мы дали адвокатам возможность зарабатывать — никаких потолков в заработной плате установлено не было. Кстати сказать, согласно правовой реформе, которую в начале 1990-х годов предполагалось осуществить в стране, должны были быть созданы суды присяжных, и для этого необходимо было подготовить и принять Кодекс о судостроительстве и статусе судей, а также другие законы, напрямую касающиеся всей правоохранительной системы. Однако после прихода к власти Лукашенко идея правовой реформы была дискредитирована, ее раз-

витие приостановлено, в последующем же ее концепция была изменена принципиально — произошло возвращение к советской практике. Это было сделано не только в области правоохранительной системы — в экономике тоже всё вернулось на круги своя: был реанимирован советский подход к тотальному контролю над обществом, снова заработала командно-административная система управления экономикой. Все эти глобальные трансформации Лукашенко начал осуществлять, едва придя к власти. Завершающая точка в концептуальном решении системы власти была поставлена ноябрьским референдумом 1996 года²⁶, согласно которому конституционная система власти была пересмотрена. Главу исполнительной власти, т. е. Лукашенко, не устраивал доказавший целесообразность принцип разделения властей, и он начал не только отступать от Конституции, но и душить законодательную и судебные власти: парламент был распущен²⁷, а назначение судей, присвоение классовых чинов, денежное довольствие (в том числе выплата премиальных, предоставление служебного жилья, медицинское обслуживание и тому подобное) стали прерогативой президента и вертикали исполнительной власти. В результате принцип независимости судей был порушен, крайне часто и системно стали нарушаться права человека, а криминальная и административная юстиция стала использоваться для решения политических целей — преследования оппонентов власти для борьбы с инакомыслием. Мы вернулись к карательной практике приснопамятных сталинских времен, к диктатуре: незаконные аресты, политические преследования, применение карательных мер, внедрение монопольной государственной идеологии, хотя Конституция провозглашает плюрализм политических партий, идеологий, мнений.

Занимаясь общественной деятельностью, я продолжал работать заведующим юридической консультацией и одновременно решал всевозможные хозяйственные проблемы — помощников у меня не было, а консультация насчитывала уже более двадцати адвокатов, и надо было решать вопросы поиска помещений для юридической консультации и их ремонта, решать вопросы с обеспечением мебелью, оргтехникой и даже канцелярскими принадлежностями. А ведь мне еще надо было зарабатывать на жизнь, поскольку я сознательно пошел на то, чтобы мне, президенту Союза адвокатов по должности, зарплату назначили мизерную, чтобы люди понимали, что я возглавил эту организацию не ради денег. Поэтому вполне естественно, что я начал активно заниматься адвокатской практикой.

ЗАДАЧА С ДВУМЯ ИЗВЕСТНЫМИ

Конечно, обо мне, как о министерском чиновнике, знало весьма ограниченное число лиц, хотя и тогда к моим услугам прибегали довольно известные люди, в том числе из центрального аппарата ЦК КПБ и Совета Министров: как правило, обращались за консультациями или же просили подыскать квалифицированного адвоката. Все мы люди, у всех случаются проблемы, и иногда нужда заставляет обратиться к специалистам в области права. Но едва ли правомерно будет сказать, что я был известен как хороший юрист. Меня знало лишь мое сообщество: судейское, адвокатское и, в какой-то мере, прокурорское, милицейское. Имя я начал зарабатывать уже в адвокатуре, ведь когда суд осуждает по минимуму или вообще выносит оправдательный приговор, а человек после суда не возвращается в следственный изолятор, сразу возникает резонный вопрос: «Кто у него был адвокатом?» — «Погоняйло». И так один раз освободили из-под стражи, второй, здесь оправдали, там по минимуму дали — такие новости быстро расходятся среди тюремного населения. Аналогичная ситуация складывалась и по гражданским делам. Так постепенно-постепенно и появилась какая-то известность, причем обращений стало уже столько, что, будучи заведующим юридической консультацией, я просто физически не мог выполнить весь объем работы и поэтому рекомендовал клиентам своих коллег-адвокатов. Но я очень щепетильно относился к передоверию, поэтому в ряде случаев помогал тем своим коллегам, которых хорошо знал, доверял их опыту и рекомендовал. Понимая свою личную ответственность перед клиентом, я контролировал их работу, но не как второй адвокат, а просто как товарищ по работе, помогал по существу дела.

Если адвокат сделал имя в профессиональном сообществе, то подчас уже сами люди разыскивают его в надежде, что он сможет им помочь. Сам адвокат не интересуется у тех, кто пришел за юридической помощью, что это за люди, насколько они материально обеспечены — это не входит в круг тех вопросов, которые надо выяснить адвокату прежде, чем он заключит соглашение. Если человек находится в следственном изоляторе и обвиняется в ряде преступлений, значит, ему нужна помощь. Я занимался и рядовыми преступлениями, и тяжкими, и особо тяжкими — не постоянно же я участвовал в громких делах. К слову сказать, адвокат менее всего думает о резо-

нансных делах — в действительности он ведет довольно рутинную работу. Подчас я даже не догадывался, какой сложности будет дело. Тем более, что порой оно возбуждалось по одним, чисто формальным признакам состава преступления, а при расследовании раскапывалась череда других преступлений, более тяжких, более сложных по своей конструкции, составу и доказательствам. И ты буквально тонул в материалах и вел дело и три, и четыре месяца, и год — это только на предварительном следствии! Поэтому я очень осторожно и внимательно подходил к заключению соглашения, но если уж заключал, то надо было работать, работать и работать.

Всё, что мог сделать еще на предварительном следствии, я делал, не дожидаясь направления дела в суд: заявлял ходатайства об истребовании необходимых материалов, которые могли позволить сказать, например, о меньшей вине моего подзащитного или вообще о его невиновности; заявлял ходатайства о проведении соответствующих экспертиз, о допросе свидетелей, если обнаруживал противоречия — о проведении очных ставок и тому подобное. Я отслеживал буквально весь ход следствия, хотя со всеми материалами не был знаком, но мог сориентироваться, участвуя в следственных действиях: что за доказательства имеются в деле и насколько возможно повлиять на результат? Я должен был прийти в суд с серьезным багажом тех материалов и средств защиты, которые позволили бы обеспечить высокопрофессиональную защиту. И если соответствующего результата не удавалось добиться в суде первой инстанции, я работал над тем, чтобы обжаловать приговор или решение по гражданскому делу уже в кассационном порядке и далее, в порядке надзора.

Бывали, конечно, дела особого рода, когда, например, следователь, прокурор или судья изначально предвзято относились к моему подзащитному и не реагировали должным образом и, соответственно, процессуальным образом на мои ходатайства. Хотя всё было очевидно: вот белое, вот черное — не различить эти цвета невозможно! В таком случае я искал иные способы убедить должностных лиц принять необходимое решение (о взятках речь не идет — к таким способам «убеждений» я никогда не прибегал, хотя, не скрою, предлагали) или же, чтобы преодолеть субъективизм, переносил тяжесть борьбы на другой уровень и обращался уже в иные инстанции.

Но как быть в ситуации, когда знаешь, что человек действительно виновен в том, что ему инкриминируется, а ты должен его защищать?

Это издержки нашей профессии чисто психологического свойства. Адвокат должен работать с клиентом по той правовой позиции, которую тот занимает. Да, человек может совершить преступление, но внутренне он так себя настроил, что в совершенном деянии не признается. Как его адвокат, я могу знать об этом. Более того, он может сам, как на исповеди, рассказать мне правду. Я обычно так и говорил своим клиентам: «Вы должны быть со мной откровенны, как с доктором. Если не расскажете правду о том, что произошло («свой анамнез»), я буду путем проб и ошибок искать эту самую истину и когда-нибудь все-таки выйду на ее понимание, выработаю курс лечения, т. е. ту позицию защиты, которую необходимо применить для наиболее благоприятного результата в пользу клиента. Но я всё равно обязан и буду придерживаться той позиции, которую занимаете Вы». Если клиент не признает себя виновным, то и я должен вести защитительную линию о его невиновности. Внутренний психологический дискомфорт не должен влиять на необходимость выполнения профессионального долга. Если я буду смотреть на своего клиента просто как на убийцу, которого должно покарать правосудие, я никогда не выполню свой долг, свою функцию защитника. Задача адвоката — обеспечить правосудие. А под правосудием мы понимаем возможность обвинения и возможность защиты. Обвинение обеспечивается следствием от имени государства и прокуратурой, надзирающей за следствием, направляющей его в ту или иную сторону и поддерживающей обвинение в суде. Однако есть и адвокат, чья задача — минимизировать полагающуюся по закону ответственность даже в том случае, если человек совершил преступление и признает себя виновным. Ведь существуют же обстоятельства, смягчающие ответственность, и задача адвоката ярко и убедительно представить их с тем, чтобы суд принял решение, учтя и эти смягчающие ответственность обстоятельства, и личность виновного, и его конкретные действия. Поэтому и законодатель в качестве санкции за совершенные преступления выдает такой широкий разброс, что порой диву даешься: это может быть и штраф, и исправительные работы, и ограничение свободы, и реальное лишение свободы! А суд вправе применить как минимальную меру наказания, предусмотренную по санкции (как мы говорим, низший предел), так и максимальную. И всё это будет законно и обоснованно, если предусмотрено конкретной санкцией и обеспечено представленными в приговоре аргументами. Поэтому

адвокат, используя эти обстоятельства, и пытается убедить суд в том, что в данном деле следует применить наименьшее наказание. Если суд соглашается — это тоже победа. Но не твоя личная, а правосудия.

Если же обвиняемый не признает своей вины или признает ее частично, тогда и адвокат занимает аналогичную позицию и пытается доказать суду невиновность своего клиента либо его меньшую вину. В подобных случаях я говорю: «Да, есть доказательства вины человека, но, с другой стороны, есть и доказательства его невиновности, и в первую очередь — это непризнание самим человеком своей вины. Оно такое же доказательство, как, скажем, показания потерпевшего, выдвинувшего обвинение против моего клиента». И тогда уже ищешь те зацепки, которые могут поставить под сомнение обвинительные доказательства: например, потерпевший был не последователен в своих показаниях или же есть обстоятельства, ставящие под сомнение правдивость его показаний и не исключающие оговора... Вот так по крупицам и выстраиваешь линию защиты. Кроме того, внимательный и грамотный адвокат может обнаружить, что ряд доказательств нельзя признать достоверными, допустимыми, а в целом — достаточными для обвинительного приговора в силу, например, допущенных в ходе расследования дела процессуальных нарушений. Или из-за недостаточной квалификации или субъективизма следователя, не замечающего оправдательных моментов, по-своему трактующего добытые данные и к тому же совершающего ошибки в ходе расследования, которые фиксируются в процессуальных документах. Иногда вообще выявляется прямая фальсификация доказательств. Таким образом и получается, что если на столе у прокурора или судьи лежит дело объемом в три тома, то и у меня тоже должно быть дело в три тома!.. Листая подчас какое-то дело, я так и эдак кручу документы, пытаюсь понять, что за исправления там, неоговоренные, что прежде было написано? Все свои сомнения фиксирую. Более того, по делам о взяточничестве у меня была целая картотека на тех, кто приглашался в качестве понятых. В результате я выявил, что наши службы по борьбе с экономическими преступлениями нередко приглашали одних и тех же понятых. Хотя, казалось бы: дела разные, на различных территориях совершены, разными следователями расследовались, а понятой имярек «гуляет» из дела в дело! Так я и выяснил, что это внештатный сотрудник милиции. Это не агент — это добровольный помощник правоохранительных органов... Еще во время учебы на юридическом

факультете я проходил трехмесячную практику и тоже временно был внештатным сотрудником милиции, мог участвовать в следственных действиях, в том числе мог быть приглашен в качестве понятого, хотя это неправильно: пусть я внештатный, но всё же сотрудник милиции, следовательно, лицо заинтересованное, а понятыми должны быть не заинтересованные люди. Следовательно, можно указывать, что, например, протокол изъятия каких-то вещей в ходе следственного обыска является необъективным, он выполнен с нарушением УПК, поскольку понятой имярек был фактически не понятым, а сотрудником милиции...

Подобная скрупулезная работа должна вестись независимо от того, сможешь ты воспользоваться ее результатом или нет. Но если так глубоко не копаешь, то и результат будет поверхностный. В этих борениях, в этом профессионализме и заключается суть работы адвоката. А суд уже, как арбитр, должен взвесить, что же перетянет чашу весов — доказательства «за» или «против», — и объективно решить задачу с двумя известными.

Среди моих подзащитных были и так называемые уважаемые люди. Я шутил, что моими клиентами были все, начиная от членов ЦК КПБ и заканчивая «ворами в законе». Но неправильно будет сказать, что я поднаторел в защите представителей криминального сообщества, хотя значительная часть моих клиентов была действительно из преступного мира: «воры в законе», «воры на положении», «бригадиры», «смотрящие», «бойцы» — там существует иерархия. Воровское «начальство» пользовалось моими услугами довольно широко, сотрудники отделов по борьбе с организованной преступностью даже прозвали меня «адвокатом Терразини»²⁸ — на том основании, что я вытаскивал этих людей из следственных изоляторов или же выводил из-под тяжелых наказаний. Но я в своей деятельности всего лишь использовал недоработки следователей — если дело в суде разваливалось, значит, оно было не слишком объективно и профессионально исполнено: либо было недостаточно улики и доказательств, либо была немотивированная квалификация, сулившая более жесткое наказание и никак не подкрепленная фактическими данными. Развалить такое дело профессионалу ничего не стоило.

Следует заметить, что у «авторитетов» вообще не принято признавать себя виновным. Лишь в редких случаях они могут отступить от этого правила — в какой-нибудь малости. У них свои корпоратив-

ные традиции, собственное понимание своего поведения на предварительном следствии и в суде. Как правило, со следствием они не сотрудничают и подельников не выдают. В этом смысле их поведение предсказуемо, но с другой стороны, крайне сложно добиться выяснения реальных обстоятельств дела. Хотя всё же иногда обвиняемый, когда мы находились один на один, признавался на условиях конфиденциальности, что это он совершил преступление, тем не менее виновным себя не признавал, и в этой ситуации я просто обязан был поддерживать его позицию. Вспоминается по этому поводу дело Бороды — Юрия Полшкова, «вора на положении», которого обвинили в организации убийства такого же «положенца» по кличке Король.

Конечно, можно поставить вопрос о внутреннем убеждении, о совести. Иногда мне так и говорили: «Защищаешь “авторитета”, хотя знаешь, что на нем клейма негде ставить. Его место только в тюрьме, а не среди нас. Может, все-таки будешь сотрудничать со следствием?» Но подобные претензии может предъявлять лишь тот, кто представления не имеет о профессии адвоката. Не будет правосудия, если не будут работать эти два механизма: обвинение и защита. Адвокат не есть прокурор, но оба мы — адвокат и прокурор — работаем на то, чтобы правосудие свершилось. Это вовсе не значит, что я помощник судьи в поисках истины. На то, чтобы предоставить суду свои доказательства, должны работать и защита, и обвинение. Лишь тогда можно говорить о свершившемся правосудии.

Впрочем, известность мне принесли совсем не эти дела, а так называемые громкие, резонансные дела второй половины 1990-х годов, первым из которых было дело бывшего премьера Вячеслава Кебича²⁹.

ДЕЛО ВЯЧЕСЛАВА КЕБИЧА

Э то был, наверное, 1995 год. Лукашенко только пришел к власти и начал раздавать всем сестрам по серьгам из того, что обещал в ходе предвыборной кампании: он многих обещал наказать, а тем более своих политических противников, некоторых в итоге загнал туда, куда Макар телят не гонял...

В основу дела Кебича была положена следующая, будто бы имевшая место, афера: под правительственные гарантии были выпущены облигации либо ценные бумаги — и в этом следствии усмотрело криминал. Ознакомившись с материалами дела, я понял, что в правовом смысле там ничего нет. Но у нас был один настойчивый противник — следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Республики Беларусь Рассолько, который хотел во что бы то ни стало доказать, что в деле есть состав преступления: едва ли не мошенничество в особо крупных размерах, причинившее государству миллиардные убытки. Так об этом писали в газетах. Однако о вине кого бы то ни было можно вести речь лишь тогда, когда убытки доказаны. К тому же, кроме премьер-министра, в правительстве были и другие должностные лица и структурные подразделения, которые должны были курировать эту ситуацию и, соответственно, разделять ответственность. Но претензии предъявлялись одному бывшему премьеру. Наконец, есть у нас еще хозяйственные суды, которые и могли бы определить: были нанесены миллиардные убытки или нет? В случае необходимости можно было назначить судебно-бухгалтерскую экспертизу, которая проверила бы: насколько экономически были оправданы допущенные сделки и были ли они совершены по тем методическим и нормативным правилам и предписаниям, которые существовали в Республике Беларусь в тот период. Только после этого можно было делать какие-то выводы.

Следствие длилось четыре месяца — ничего Рассолько доказать не смог. Видимо, как большой почитатель Сталина и той эпохи Рассолько рыл глубоко и настойчиво, мог запросто закопать невиновного — ждать объективности там не приходилось. Тем не менее, дело было прекращено по реабилитирующим основаниям. Правда, в отношении Кебича никаких серьезных репрессий не предпринималось — его не заключали под стражу, он находился под подпиской о невыезде...

Уже многим позже писалось, что это тогдашний российский премьер Черномырдин³⁰ не дал в обиду белорусского коллегу, но едва ли так оно было — я таких высоких течений в политике не наблюдал. К тому же я прекрасно знаю Лукашенко — его ничто не остановило бы: если мстить, то мстить до конца. И хотя они были политическими противниками, но это именно Кебич позволил Лукашенко стать президентом — если бы Вячеслав Францевич проявил твердость, этого бы не случилось. Дело в том, что еще в период проведения агитации была задержана машина с печатной продукцией кандидата в президенты Лукашенко, а если быть точным — с его портретами, отпечатанными за границей. Лукашенко можно было снять с президентской гонки только за одно это, поскольку в его агитационной кампании были задействованы явно не те деньги, которые выделил Центризбирком. Существовал ряд и других оснований, позволявших «дисквалифицировать» Лукашенко. Однако Кебич самонадеянно решил, что на него будет работать весь аппарат исполнительной власти, а этого не произошло. Более того, Кебича сдали его же соратники — тот же Мясникович³¹, например. У Лукашенко же был довольно приличный штаб, состоявший из молодых политиков, рвущихся к власти: Дмитрий Булахов³², Анатолий Лебедько³³, Виктор Гончар³⁴, Леонид Синицын³⁵, а также его ближайшее окружение — Титенков³⁶ и Шейман³⁷. Собственно, эта молодая и креативная команда и организовала избирательную кампанию Лукашенко. Финансирование ее осуществляли набиравшие силу бизнесмены, владевшие к тому времени серьезными капиталами. Да и сам он шел буквально напролом, круша в своих выступлениях всех без разбору: и Кебича, и его генералов, и исполнительную власть... Это нравилось народу — народ любит, когда кто-то, не боясь власть предержащих, шашкой машет. Пусть это и чистой воды популизм. Ведь телевизионные трансляции заседаний Верховного Совета XII созыва наглядно демонстрировали, насколько Лукашенко одержим властью, как он стремится завоевать дутый авторитет политика, не считающегося ни с кем и ни с чем и режущего правду-матку прямо в глаза! На этой, собственно говоря, пене Лукашенко и смог одолеть Кебича. И уже придя к власти, он по многим прошелся — по тем, кого ненавидел и не любил, причем разбирался в том числе с помощью уголовной юстиции. Это касается не одного только Кебича — пытались найти компромат и на министра обороны Павла Козловского³⁸...

ДЕЛО ПАВЛА КОЗЛОВСКОГО

Не исключаю, что дело Козловского могло быть возбуждено по инициативе самого Лукашенко — молодому президенту, по-видимому, очень хотелось не только унижить бывшего министра обороны, но и, по возможности, отправить его в тюрьму. И то, что можно было сделать его личной, как президента, властью, он сделал — лишил своим указом одной звезды на погонах: был Павел Козловский генерал-полковник, стал генерал-лейтенант. В чем смысл такого наказания, лично мне трудно понять до сих пор. Дело в том, что я участвовал в гражданском деле по оспариванию этого решения президента, которое было абсолютно незаконным, поскольку в то время действовал дисциплинарный устав Вооруженных Сил СССР (своего дисциплинарного устава мы в Беларуси еще не имели), где не была прописана возможность принятого Лукашенко решения. Сталин расстреливал своих генералов, но по одной звезде не снимал: если уж разжаловать — так разжаловать...

Я понимаю: президент — Главнокомандующий Вооруженными Силами, и именно он вправе присуждать генеральские звания, но снимать не имел права, поскольку это — наказание, а всякая санкция должна быть прописана в законе. Любое должностное лицо, каким бы высоким оно ни было, в своих делах и решениях должно опираться на законодательство. И президент не исключение. За его решением должен стоять закон, а не его личное желание. Иначе получается произвол и беззаконие. Сегодня встал с одной ноги — решил так действовать, завтра встал с другой — порешил иначе. Законы должны обеспечиваться неукоснительностью их исполнения всеми без каких бы то ни было исключений. Поэтому мы и обратились с иском в Военную коллегию Верховного Суда. Но уже тогда суды начали «ложиться» под нового главу белорусского государства, и внятного решения мы не получили. А невнятное гласило: поскольку у президента есть полномочия дать звезду, следовательно, у него есть полномочия и снять ее.

А затем в отношении Козловского было возбуждено и уголовное дело, которое было связано с якобы злоупотреблениями служебным положением. В частности, пытались вменить в вину, что будто бы в бытность Козловского министром обороны незаконно продавалась военная техника. Но ничего доказать следствие не смогло, однако зацепилось за другой эпизод: когда Козловский проводил свадьбу своего

сына, были использованы служебная машина и установленная на ней космическая связь. Позиция защиты была проста: где бы министр обороны ни находился, он всё равно все двадцать четыре часа остается министром обороны. Даже если находится на свадьбе. Да и где это записано, что в это время он перестает быть министром обороны и с него снимается ответственность в случае возникновения чрезвычайных ситуаций?.. Из таких мелких эпизодов следствие и пыталось состряпать обвинение: мол, причинены неоправданные убытки, следовательно, это злоупотребление служебным положением — и давай накручивать статью! В действии был сталинский подход: «был бы человек, а статья найдется»... Делом занималась Генеральная прокуратура, но через полгода оно было прекращено за отсутствием состава преступления, то есть по реабилитирующим основаниям. Это была полная победа!

Впрочем, была еще предпринята попытка воздействовать на детей Козловского. Дело в том, что на Комаровском рынке, где они занимались коммерцией, случилось двойное убийство. И дети Козловского были задержаны в числе прочих. Как это обычно происходит: совершено тяжкое преступление, и оперативные службы, милиция закидывают, условно говоря, широкий невод с мелкой ячеей и всех, кто попал в этот невод, начинают перетряхивать, выискивая и вынюхивая — имеет ли отношение к происшествию, какой информацией обладает? Порой такие поиски сопровождаются пытками в надежде хоть что-то да узнать. Методика непорядочная и незаконная. Тем не менее она была использована и в тот раз, один из сыновей Козловского был избит в милиции. Конечно, оперативники не могли не знать, кого они задержали. Но, очевидно, всякие табу были сняты: раз отец — враг президента, значит, можно всё что угодно делать и с ним самим, и с его детьми... Мы, естественно, попытались привлечь к ответственности тех оперативников, но затем, по решению самого Козловского, спустили дело на тормозах — сыновья экс-министра занимаются коммерцией и их или их бизнес могут в любой момент прихлопнуть как муху на стекле.

ДЕЛО АЛЕКСАНДРА САМАНКОВА

Еще одно громкое дело тех лет — дело Саманкова³⁹, бывшего в то время председателем правления Первого республиканского приватизационного фонда, так называемого ПРИФа. Созданные в начале 1990-х годов, приватизационные фонды были призваны скупить у населения чеки «Имущество» с тем, чтобы или реализовать их, или соучредительствовать в коммерческих структурах. Придя к власти, Лукашенко разрушил эту систему, поскольку прекрасно понимал, что таким образом могут появиться крупные собственники, способные влиять в том числе на политику государства и президента. Лукашенко не был заинтересован в создании приватизационных фондов, и всеми правдами-неправдами их стали разрушать, в ряде случаев дело доходило до преследования в уголовном порядке. Саманков стал одной из первых жертв молодого белорусского бизнеса, попавших под каток разворачивающихся в стране репрессий.

Александр Саманков знал меня по работе над рядом законопроектов, которые мы в свое время лоббировали через Верховный Совет. Он был другом Дмитрия Булахова, председателя комиссии по законодательству Верховного Совета Беларуси XII созыва. Булахов, очевидно, и порекомендовал Саманкову, чтобы его дело в суде отстаивал именно я.

Дело было громким, поскольку одним из его фигурантов стал тогдашний министр по малому предпринимательству и инвестициям Александр Сазонов, которому Саманков якобы дал взятку. А надо сказать, что Сазонов во время тех событий являлся помощником президента по внешнеэкономической деятельности и был в какой-то степени другом всей этой компании: Лукашенко, Шеймана и Титенкова. Он был личным шофером и охранником Лукашенко в период избирательной кампании, именно он находился за рулем, когда в автомобиль, в котором ехал тогда еще кандидат в президенты Лукашенко, стреляли под Лиозно⁴⁰.

Сам Саманков утверждал, что взятку не давал, но поскольку происходило это в здании Администрации Президента, в кабинете помощника президента по внешнеэкономической деятельности, данный факт в ходе оперативных мероприятий, которые курировал лично Шейман, был заснят на видео. И хотя было очевидно, что дело сфабриковано, однако подготовлено оно было весьма серьезно.

Неслучайно вели его Комитет госбезопасности и Генеральная прокуратура. Многое мне удалось доказать в этом процессе, хотя добыча защитительных материалов была сопряжена с большими трудностями — оппоненты прекрасно понимали, что если в моем распоряжении окажется слишком много материалов, то дело в суде может развалиться. Кроме того, уже тогда началась практика жесткого контроля за рассмотрением дел в судах. И если дело контролируется из Администрации Президента и непосредственно самим г-ном Шейманом, попробуй судья принять самостоятельное и независимое решение! — надеяться на такое не приходилось. В результате суд признал Саманкова виновным и дал шесть лет лишения свободы, хотя мог присудить гораздо больше — по этой статье Саманков мог получить до 12 лет. Фактически же он отсидел четыре года, после чего был освобожден.

ДЕЛО СЛАВОМИРА АДАМОВИЧА

Дело Славомира Адамовича⁴¹, находившегося в следственном изоляторе Комитета госбезопасности, поначалу вел другой адвокат, который прижал уши, поскольку дело расследовалось КГБ, кроме того, было предъявлено обвинение в призывах к совершению террористического акта в отношении главы государства. Обвинение серьезное и даже страшное по сути своей, и адвокат практически бездействовал. И тогда ко мне обратились люди, близкие к Славомиру (среди них и тогдашний редактор газеты «Наша Нива» Сергей Дубовец), они-то и уговорили меня взять защиту на себя. Я согласился совсем не потому, что это было громкое дело, а ввиду того, что осудить пытались невиновного.

Естественно, я был знаком с известным стихотворением Славомира «Убей президента» и ничего крамольного в нем не нашел. За дело я взялся с энтузиазмом, хотя понимал, что в этих условиях крайне сложно доказывать невиновность моего клиента. Но к этому времени я уже накопил определенный опыт работы с самыми сложными делами. Помогло и то, что я не один год был судьей и хорошо знал особенности судебной практики. Поэтому я использовал другие, публичные возможности: стал давать интервью, рассуждая о проблемах уголовной юстиции, которые мы наблюдали на примере дела Славомира Адамовича, о тех нарушениях процессуального закона, которые имели место при расследовании этого носящего явно заказной характер дела. Кроме того, я обратился к авторитетным правозащитным организациям «Human Rights Watch»⁴² и «Amnesty International»⁴³, к Международному ПЕН-клубу⁴⁴. В результате в защиту Славомира Адамовича выступили известнейшие российские писатели, в том числе Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Фазиль Искандер, Римма Казакова, Булат Окуджава и другие. Через Русский ПЕН-центр мы организовали письмо, засвидетельствовавшее, что в стихотворении нет никакого состава преступления. Там не было даже оскорбления конкретной личности! Это письмо подписали известные российские писатели и ведущие специалисты в области литературоведения, в их числе — академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Они подтвердили, что стихотворение Славомира Адамовича не содержит в себе никаких признаков для идентификации конкретного лица, коим возбуждившие уголовное дело работники Генпрокуратуры пытались представить

президента Лукашенко.

Хотя направление мыслей автора было, конечно, понятно:

*Убей эту сволочь, которая
так гнусно топорщит усы
над нашими всё же просторами,
над ликом родимой красоты.*

*Чем можешь, убей, не раздумывая,
возьми автомат иль топор
и вскрой эту голову «умную»,
и выбрось в клоаку, как сор...*

Сам Славомир в своих показаниях объяснял, что он в этом стихотворении говорил о надвигающемся фашизме, что это его ассоциативные мысли, связанные с тем, что происходит сегодня в Беларуси... Следствие же велось следующим образом: стихотворение давали прочесть любому гражданину, после чего спрашивали: «Как вам кажется, кого имел в виду автор этого стихотворения?» И все показывали пальцем на г-на Лукашенко. Это-то и служило основанием для КГБ утверждать, что поэт призывает к совершению террористического акта в отношении главы государства. Не исключая, что блюстителям закона уже мерещились лавры спасителей «отца нации», разоблачивших заговор, истинный смысл которого злоумышленники зашифровали с помощью поэтической формы. Всё это было бы смешно, когда бы... Славомиру Адамовичу не грозила вполне реальная перспектива попасть на несколько лет на тюремные нары.

Исследуя это дело — когда в тюрьму бросили поэта, я говорил тогда о репрессиях в отношении инакомыслящих, о том, что в Беларуси опять наступил 1937 год. Я вспоминал сталинскую эпоху, когда и писатели, и в целом творческая интеллигенция буквально легли под нож репрессий — из-за своего свободомыслия, а в ряде случаев просто рвали талантливых...

Это дело получило большую огласку и в белорусской прессе, и за рубежом. После поднятой шумихи стихотворение было переведено и опубликовано в Польше, Чехии и Великобритании. Само же дело возвращалось на дополнительное расследование, ряд обвинений вообще отпал, тем не менее правосудие упорно не хотело признавать надуманность обвинения, шитого, как говорится, белыми нитками.

И только настойчивость защиты и мощная поддержка белорусской и международной общественности принудили белорусскую Фемиду прислушаться к голосу здравого смысла. Итог дела хорошо известен — Славомир Адамович оказался на свободе, но после десяти месяцев содержания в следственном изоляторе КГБ: белорусская судебная машина еще со сталинских времен не любит выпускать на волю своих жертв без того, чтобы не дать им ощутить на себе ее всесилие⁴⁵.

ДЕЛО ТАМАРЫ ВИННИКОВОЙ

Параллельно с делом Славомира Адамовича начала развиваться история председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Тамары Винниковой⁴⁶. Ранее я уже защищал нескольких банкиров, обвинявшихся в выдаче незаконных многомиллионных кредитов, в получении взяток и «откатах» — в лихие 1990-е под молот уголовной юстиции попадали многие. В банковских кругах я был уже известен, причем как адвокат, хорошо знающий хозяйственное и банковское законодательство и успешно защищавший ряд представителей банковской элиты Беларуси: одни были освобождены, другие отделались условными сроками или же минимумом, который фактически ограничивался сроком, отбытым в следственном изоляторе. Поэтому не было случайностью, что после задержания и помещения Винниковой в следственный изолятор Комитета госбезопасности я практически сразу получил предложение заняться этим делом.

Согласие я дал потому, что, во-первых, отслеживал ситуацию в банковской сфере; во-вторых, знал, что Винникова — профессиональный и грамотный банкир, что с ее мнением считались. В свое время она проходила практику в банках Франции и, используя в своей работе методологию банковского дела сформировавшихся рыночных государств, пыталась вводить новации и в Беларуси. Тем более, что экономическая стабильность в Беларуси оставляла желать лучшего. Задачи перед банкирами правительством и Лукашенко ставились жесткие, однако Винникова стремилась сохранить банки просто как инструмент рыночной экономики. Кроме того, ей удавалось сдерживать рост курса белорусского рубля — в ее бытность председателем Нацбанка белорусский рубль около полутора лет держался практически на одном уровне. Понятно, что сдерживание это было искусственным, но чтобы добиться этого, следовало использовать не только золотовалютные резервы, но и определенные методологии. Безусловно, это было очень сложное балансирование. И вот теперь, несмотря на такую довольно похвальную работу, Винникова оказалась за решеткой.

Когда я узнал, по какому поводу возбуждено уголовное дело, то понял, что оно и выеденного яйца не стоит: те обвинения, которые были предъявлены ей после десяти дней нахождения в следственном

изоляторе КГБ, не имели абсолютно никакой судебной перспективы. Так, к примеру, один из эпизодов дела: Винникова передала мобильный телефон, принадлежавший банку, одному из руководителей коммерческой структуры, с которой банк сотрудничал по изготовлению бланковой продукции в том числе и для Администрации Президента. В то время мобильные телефоны были редкостью, и, как объясняла Винникова, телефон она передала коммерсанту с тем, чтобы в случае необходимости иметь возможность связаться с ним. Вроде бы, рабочие вопросы и никакой коррупции, никакого присвоения банковского имущества, а если что-то и есть, то — возможно — лишь нарушение финансовой дисциплины. И из-за этого председателя Национального банка упекать в следственный изолятор?! — нужды в этом не было совершенно никакой.

Другой эпизод обвинения: на складе не нашли когда-то подаренные Винниковой кастрюли фирмы «Цептер»! На складе потому, что стоимость кастрюль превышала две тысячи долларов, значит, Винникова не имела права принять подарок, а должна была передать его «Беларусбанку» — все эпизоды дела Винниковой никак не были связаны с ее работой в Национальном банке. Так вот эти кастрюли были обнаружены в ее квартире. Но дети Тамары Дмитриевны предъявили чеки, согласно которым кастрюли были не подарены, а куплены, причем в рассрочку. А то, что на складе «Беларусбанка» аналогичных кастрюль не оказалось, причем тут Винникова?

Третий эпизод был связан с выдачей кредита в 240 тысяч долларов, оказавшийся невозвратным. Однако ни на одном из документов по выдаче кредита подписи Винниковой не было. К тому же вопрос о его выдаче решался не лично председателем банка, а коллегиальным органом — кредитным советом при банке. Да и прежде, чем попасть в руки членов кредитного совета, документы согласовываются со всеми соответствующими службами данного банка.

Наконец, четвертый эпизод, который не вменялся, но который пытались вменить в вину Винниковой. Известно, что «Беларусбанк» строил новое офисное учреждение на выезде из Минска. Строительная компания «Энергия», занимавшаяся реализацией проекта, взяла в «Беларусбанке» кредит на 6 миллионов долларов, однако, получив его, деньги не изъяла, а положила по депозитному договору в тот же «Беларусбанк». Кредит был взят на год и возвращен, но уже белорусскими рублями. И вот когда следователи, соотнеся курсы белорусско-

го рубля на момент выдачи кредита и год спустя, посчитали разницу, выяснилось, что она равна чуть ли не полутора миллионам долларов. Однако затевать дело против строительной компании не посмели, поскольку за ней стояли сильные мира сего, приближенные к Шейману, Титенкову и в конечном итоге к самому Лукашенко. Зато предъявили претензии Винниковой: невыгодный для банка договор. Но почему невыгодный? — банк 6 миллионов дал, но они остались в банке, который за счет выдачи краткосрочных кредитов только зарабатывал на этих миллионах (я, кстати, предлагал следователям посчитать, сколько именно заработал «Беларусбанк» на этих 6 миллионах, однако никто меня не послушал). И даже если строительная организация и получила прибыль от кредита, так не банк же ее получил! А вот то, что было записано в договоре, что банк дает 6 миллионов долларов и получает через год эти 6 миллионов или долларами, или белорусскими рублями по курсу доллара на момент выдачи кредита, — так это соответствовало действующему тогда законодательству. И то, что правительство и Нацбанк не сумели удержать курс поплзшего вверх белорусского рубля, это, конечно же, не являлось проблемой Винниковой. Таким образом, судебной перспективы не было и у этого эпизода.

По делу Винниковой работало двадцать шесть следователей! Они пытались допрашивать ее по тем или иным вопросам деятельности банка едва ли не каждый день. Были арестованы многие бизнесмены — от них хотели получить информацию, будто бы Винникова брала взятки или же раздавала кредиты с «откатами». Но ни одного подобного эпизода выявлено не было, то есть этой деятельности реально не было, а люди оказались крепкими — шантажу не поддались и оговаривать Винникову не стали.

Истинной подоплеки, почему так взялись за Тамару Винникову, я не знаю, но, опираясь на те факты, которыми располагаю, могу предположить, что Винникова очень нравилась Лукашенко. Вероятно, именно поэтому он и назначил ее председателем Правления Национального банка, приблизив к себе. Однако она была лишена возможности принятия самостоятельных решений, когда вопрос касался ее выезда за границу — она могла уезжать из Беларуси лишь с личного разрешения Лукашенко. Но однажды выехав во Францию по служебным делам, Винникова взяла отпуск и без разрешения Лукашенко уехала в Италию. Там-то ее и обнаружила служба безопасности пре-

зидента. Да мало того — не одну... Как только она вернулась в Беларусь, тут же была приглашена на совещание к Лукашенко (поговаривали, будто бы он собирался предложить ей должность председателя Совета Министров), где и была арестована⁴⁷.

Дело вызвало огромный общественный резонанс: государственные газеты и телевидение сообщали о якобы тяжких преступлениях Винниковой, а в действительности был пшик, не имеющий абсолютно никакой судебной перспективы. Я прекрасно понимал, что человек арестован незаконно. И даже если у власти были какие-то претензии к Винниковой, то она спокойно могла бы находиться на свободе, а вы, если хотите что-то доказать, доказывайте на здоровье и когда наберете хоть какую-то доказательную базу совершения тяжкого преступления, лишь тогда можете ставить вопрос об аресте.

Естественно, я заявлял множество ходатайств, но все они были отклонены. Были и многочисленные публикации, в которых я разоблачал практику правоохранительной системы, берущей под козырек и молотящей в мясорубке человеческую судьбу. Власти это не нравилось, ее это жутко раздражало, и меня начали прессовать, на меня была организована охота: я получил информацию, что КГБ, пытаясь раздобыть криминал теперь уже на меня, взялся за негласную проверку всех моих клиентов, а если не удастся найти криминал, то хоть что-то, что позволило бы отстранить меня от адвокатской деятельности и, соответственно, от защиты Винниковой. Очевидно было, что мое участие в громких делах власти поднадоело, и она захотела заткнуть мне рот или, по крайней мере, охладить мой пыл в рвении доказывать невиновность моих клиентов. Я понимал, что теперь уже сам оказался в ситуации, когда против меня могут быть организованы провокации и фальсификации — всё, что угодно. Однако ничего против меня найдено не было. А тем временем по радио и на телевидении заявлялось, что, выступая публично, я тем самым пытаюсь оказывать давление на следствие и на суд, что дискредитирую органы власти, правоохранительную систему и т. д., и т. п. Мои коллеги тоже стали указывать мне на якобы несоблюдение адвокатской этики — то в Минюст пригласят, то на президиум коллегии...

Что же до Винниковой, то с ней периодически случались срывы, и ее не могли допросить просто по состоянию здоровья. В этом также обвиняли меня — утверждали, что это я подговариваю ее симулировать приступы на глазах у следователей и прокуроров. Я отвечал:

«А что вы хотели? Вас двадцать шесть следователей, и каждый хочет допросить по каким-то направлениям ее деятельности, фактически истязаете ее допросами, причем суетесь в воду, не зная броду, поскольку не знаете абсолютно ничего! Если бы у вас было выдвинуто хоть одно конкретное обвинение! Вы же просто занимаетесь говорильней в надежде, что где-то что-то проскочит у словоохотливой Тамары Дмитриевны, и вы сможете за это зацепиться в оперативном плане. Но мы вам такого счастья не предоставим».

Не буду скрывать: действительно, я приложил руку к тому, что о болезнях Винниковой с ее согласия мы стали говорить открыто и демонстративно. Мы настаивали: ее состояние здоровья таково, что она должна быть отпущена на свободу для прохождения лечения. Тем более, что в следственном изоляторе к Винниковой на деле применялись пытки, причем с единственной целью — чтобы сломить ее дух и волю к сопротивлению и заставить давать признательные показания. Она же содержалась одна в холодной камере без туалета и горячей воды. Да и дела по событиям 19 декабря 2010 года в очередной раз показали, что это «пыточная», а не следственный изолятор КГБ.

Вот лишь пара эпизодов, красноречиво свидетельствующих, насколько изощренными были пытки, применяемые к Винниковой. У нее действительно случались срывы здоровья, и вызванные однажды врачи «скорой помощи», не убедившись, что у Винниковой нет противопоказаний для приема определенных лекарств, ввели ей новокаин, после чего она едва не умерла, поскольку начала бурно развиваться аллергическая реакция. Хорошо, что Винникову быстро доставили в военный госпиталь КГБ, где в это время дежурил нужный специалист. В другом случае консилиум врачей не только обнаружил у нее определенные болезни — было подозрение еще и на онкологическое заболевание (позже оно действительно было диагностировано). Обследовать Винникову в условиях следственного изолятора было, естественно, невозможно — там ведь нет гинекологического кресла, и ее повезли в госпиталь КГБ. Привезли в наручниках, в сопровождении охранников и следователя-женщины. Винникова спрашивает у следователя: «Вы хотите обследовать меня в присутствии мужчин?» Та в ответ: «Вы же заключенная, а заключенных должны сопровождать охранники, тем более, что с Вас надо будет снять наручники, и неизвестно, что Вы можете предпринять». Винникова воспротивилась: «Я же женщина! И вы — женщина!» На что следователь

объявила ей: «Вы не женщина — вы “зэчка”! Поэтому присутствие охранников обязательно». Такое поведение возмутило даже врача! Суда еще не было, следовательно, действует — должна была бы действовать! — презумпция невиновности... Естественно, мы подавали жалобы на такое обращение, унижающее человеческое достоинство, — мы расценивали его не иначе, как пытки. Оно действительно так и есть, так и оценивается по Пакту о гражданских и политических правах. Да и по нашему законодательству могло бы быть оценено аналогично, однако при одном «но» — если бы оценивалось объективно и надлежащим образом...

Над этим делом я работал не один — разорваться на всех двадцать шесть следователей было невозможно, и я пригласил молодого и толкового адвоката, коллегу из той же юридической консультации Советского района Минска Александра Пыльченко, а Тамара Винникова — адвоката Людмилу Ульяшину, чей подход и добросовестность в работе мне очень импонировали. Естественно, мы оказывали серьезное давление на следствие, направляя ходатайства и жалобы, — всё это разрушало обвинение и создавало ситуацию, когда следователи и прокуроры понимали, что задачу, поставленную перед ними руководителем государства, они не могут выполнить. И тогда там, «наверху», было принято решение освободить Винникову из-под стражи и заключить ее под домашний арест. Хотя это было и незаконно, поскольку в УПК такая мера в то время не была предусмотрена. Разговоры велись о крупном залоге в сто тысяч долларов.

Как удалось ей бежать из-под домашнего ареста, я могу лишь предположить — сама Винникова никогда об этом публично не говорила и вряд ли скажет. Под домашним арестом она находилась сначала в квартире сына на проспекте Независимости, затем была переведена в свою квартиру в районе Сухарево. Охрана там была не из следственного изолятора КГБ, не милицейская (которая и должна была ведать в таком случае надзором за помещенной под домашний арест), а из службы безопасности президента, два представителя которой со «стечкиным» (пистолетом-пулеметом Стечкина) находились в квартире денно и нощно. Винникова идет в уборную комнату — они находятся рядом с дверью; кто-то звонит — они первыми начинают разговор. Когда я поинтересовался, почему они повсюду ее сопровождают, они ответили, что, во-первых, у них такой приказ, во-вторых, они отвечают за ее жизнь и здоровье: «А вдруг она на своем чулке

возьмет и удушится? Мы будем отвечать перед руководством». Причем все соседи не только по лестничной площадке, но и по подъезду были оповещены, что тут содержится особо опасная преступница, — чтобы не было никаких контактов с ней и чтобы не пускали в подъезд посторонних. Однако и я, и мои товарищи по защите Александр Пыльченко и Людмила Ульяшина право доступа к Винниковой имели: мы предъявляли адвокатские удостоверения личности и нас пропускали.

В последний раз я был у Винниковой накануне 8 марта 1999 года, когда мы пришли вместе с представителями Белорусского Хельсинкского Комитета поздравить Тамару Дмитриевну с праздником. А еще раньше я провел к ней журналистов Павла Шеремета⁴⁸ и Светлану Калинин⁴⁹. Это были первые дни домашнего ареста, и охранники просто не разобрались, приняв журналистов за адвокатов. Позже она встречалась с умершим через несколько дней Геннадием Карпенко⁵⁰ и журналистом Александром Федуткой⁵¹, которому дала обширное интервью, — это всё было незадолго до ее побега. Такого рода вольности, думаю, были допущены прежде всего руководством службы охраны президента и, не исключая, самим г-ном Шейманом. Но для чего, в каких интересах?.. А потом произошло это таинственное исчезновение. И таким образом была брошена тень в том числе и на нас, адвокатов. Нас пытались допросить, обыски были произведены не только в наших офисах, но и даже в квартире Людмилы Ульяшиной, которая впоследствии, по причине гонений, вынуждена была уехать из страны. Теперь она живет в Норвегии, где занимается правозащитной деятельностью. Адвокатскую судьбу ей, конечно, испортили. Как, впрочем, и мне.

ДЕЛО АНДРЕЯ КЛИМОВА

Дело Климова проходило параллельно с делом Тамары Винниковой, которая в то время уже находилась под домашним арестом, а следственные действия с ее участием не проводились. Андрей Климов⁵² был привлечен к уголовной ответственности за хищение материальных ценностей при строительстве жилого дома по договору с УКСом Мингорисполкома. В действительности при составлении сметы строительного проекта, осуществленном одной из государственных служб, проводившей к тому же ведомственную и государственную экспертизы проекта, была допущена ошибка. Однако ни ведомственными, ни государственными экспертами она не была замечена. В таком виде документы и были переданы строителям. Понятно, что списание материалов происходило согласно смете, но сколько в реальности было затрачено строительного материала, никто особенно не проверял. Тем не менее именно Климов был обвинен в хищении государственных средств, поскольку строительная фирма принадлежала ему, хотя, надо заметить, никаких документов, которые составлялись и представлялись мастерами и прорабами к оплате, он как глава строительной компании не подписывал — Климов осуществлял лишь общее руководство. Обвинением же была предложена абсолютно неприемлемая формулировка: мол, Климов украл деньги. При этом на доказательства версия не опиралась, к тому же трудно было понять, как Климов вообще мог это сделать. Если при составлении сметы и была допущена ошибка, произошел перебор денежных средств, то заказчик мог обратиться в Хозяйственный суд, и деньги могли быть возвращены по его решению. Важно отметить, что по договору между заказчиком и подрядчиком на строительство объекта была предусмотрена договорная цена, и она не зависела от объема выполненных работ, но могла быть пересмотрена с учетом выявленной ошибки по смете. Как юрист я не видел в этом деле вины должностных лиц. Тем более, что строительство здания еще не было завершено, и всё можно было решить за счет определенных договоренностей либо по суду в порядке хозяйственного судопроизводства.

Впрочем, у дела была очевидная политическая подоплека: Климов являлся депутатом опального Верховного Совета 13-го созыва, и как раз в это время парламент готовил импичмент президенту. Климов же входил в состав комиссии, которая должна была подготовить

соответствующие документы, свидетельствующие о нарушении президентом Конституции и законов Республики Беларусь. Этот правовой документ должен был стать основой обвинения при отрешении Лукашенко от власти. И такой документ уже был подготовлен, с ним и должны были представители Верховного Совета (в их числе Климов) обратиться к действующей власти. Но накануне этих событий Климова арестовали, причем арестовали, когда он был депутатом, то есть обладал депутатским иммунитетом. Верховный Совет не давал согласия на привлечение его к уголовной ответственности, и арест был явным грубым нарушением действующего законодательства. Тем не менее власти, упрятав Климова за решетку и проведя расследование, передали дело в суд. Я ставил перед судом вопросы о нарушении самой процедуры по преодолению депутатского иммунитета и о прекращении дела в связи с недоказанностью вины Климова, поскольку следствие так и не смогло представить доказательств, что хоть кто-то — мастера, прорабы или кто-либо еще — украл строительные материалы, а именно цемент или кирпич, так как речь шла исключительно о завышении объема кладки. Кроме того, мы требовали назначения судебно-бухгалтерской экспертизы, которая могла бы подтвердить обоснованность наших аргументов о том, что допущенная при составлении сметы объемов работ ошибка не привела к излишнему финансированию в рамках договора и не может быть вменена в вину Климову — это вина разработчиков сметы и недобросовестных экспертов. Тем не менее к уголовной ответственности, кроме Климова, были привлечены главный инженер, прорабы, мастера и две женщины, осуществлявшие надзор за строительством со стороны заказчика, хотя, на мой взгляд, в отношении последних можно было бы ограничиться лишь дисциплинарной ответственностью.

Еще во время содержания Климова под стражей произошло несколько инцидентов. В частности, однажды при доставлении в суд его избил. Однако наша попытка привлечь к ответственности виновных сотрудников следственного изолятора успехом не увенчалась — прокуроры отказали в возбуждении уголовного дела, и сам этот факт надлежащим образом не расследовался...

Нельзя назвать нормальными и условия содержания Климова: его перекидывали из камеры в камеру, причем они были переполнены, не хватало спальных мест, там находились курящие, а у Андрея не все было в порядке со здоровьем. Содержание в подобных усло-

виях можно приравнять к пыткам и унижающему человеческое достоинство обращению. Впрочем, Климов — человек мужественный, вел себя стойко и не поддавался давлению ни администрации СИЗО, ни определенного рода «сидельцев» — это известный прием, когда администрация следственного изолятора посредством сокамерников пытается оказать давление на неугодных арестованных вплоть до физического — лишь бы сломить дух сопротивления. Праведнику там, конечно, крайне тяжело находиться. В СИЗО надо либо, смирившись, плыть по течению, либо мужественно сражаться за свои права и человеческое достоинство... Впрочем, тут нам все-таки удалось добиться определенного результата: Андрея перевели в камеру, более-менее отвечающую санитарным нормам, ее покрасили, там находилось всего четверо заключенных, у каждого была своя кровать. Это были элементарные, отвечающие минимальным стандартам условия содержания, которые администрация СИЗО должна была создать изначально и без нашего давления.

Проблемы возникали и позже, уже в ходе судебного разбирательства. Дело в том, что Климова практически не кормили во время судебного процесса, продолжавшегося весь рабочий день. Обычно в обеденный перерыв он находился в так называемом стакане — это такие плохо освещенные узкие камеры в подвалах и полуподвалах наших судов, где невозможно сесть, а можно находиться только в положении стоя, где нельзя подготовиться к предстоящему судебному заседанию. Еду туда не доставляют, воду надо просить... Одним словом, абсолютно нечеловеческие условия.

Судебное разбирательство продолжалось около полугода, и всё это время мы жили в огромном напряжении, потому что суд занял фактически обвинительную позицию: многие наши ходатайства, направленные на объективное и полное исследование обстоятельств дела, игнорировались или не удовлетворялись, и это не могло не возмущать. Следствие было произведено с большим количеством нарушений процедуры доказывания, на что мы, естественно, обращали внимание суда. Но дело было заказное — это была месть Лукашенко за активную работу Климова против режима и непосредственно против Лукашенко, поэтому нам не удалось хоть что-то оспорить. Климов был осужден к шести годам лишения свободы, и это было чересчур для молодого и невиновного человека.

Дело вызвало огромный общественный резонанс, поскольку Климов был не только известным предпринимателем — у него были свой банк и газета, он был депутатом Верховного Совета и пользовался большим авторитетом среди коллег. Голоса в защиту Андрея Климова звучали не только внутри страны — солидарность проявлялась и за рубежом, особенно парламентами ряда западных стран, поскольку многие понимали, что речь идет о нарушении принципов парламентаризма и независимости депутатов. Климов был осужден, безусловно, незаконно, причем в данном случае мы вправе говорить о заведомо незаконном осуждении. Он был, по существу, политическим заключенным. И таких политзаключенных становилось в стране всё больше и больше.

Отбыв чуть более двух лет наказания, Климов был досрочно освобожден и вышел из тюрьмы, по-моему, еще большим революционером, чем был раньше. Неслучайно через некоторое время он вновь предстал перед судом, но на этот раз уже за оскорбление президента и за другие действия, связанные с его политической деятельностью, с его активным сопротивлением режиму. Лукашенко, по-видимому, считал Климова своим личным врагом, потому-то власти пытались при каждом удобном случае вновь загнать его в те условия, в каких он недавно находился. В итоге Климов был осужден еще дважды⁵³, но в этих делах я уже не участвовал, поскольку уже не был адвокатом.

ДЕЛО ПАВЛА ШЕРЕМЕТА И ДМИТРИЯ ЗАВАДСКОГО

Дело Павла Шеремета и Дмитрия Завадского⁵⁴ в своем роде уникально. Оно являет собой яркий пример того, как, в общем-то, заурядный факт из-за чьих-то болезненно раздутых амбиций, политической неадекватности и обывательского уверования в собственную непогрешимость, дружно продемонстрированных всеми «вертикалями» и «горизонталями» белорусских властей вплоть до президентского ареопага, разросся до скандала межгосударственного масштаба.

Это дело началось летом 1997 года с показа в эфире российско-го телеканала репортажа, в котором шла речь об открытости границ между Беларусью и Литвой, между Беларусью и Российской Федерацией: российские эксперты и должностные лица обвиняли Беларусь в том, что через ее границу идет на Россию вал контрабандного товара. Эти разговоры были не напрасными — достаточно вспомнить скандалы с «Торгэкспо», Фондом Эсамбаева, когда под маркой коммерческой деятельности в Беларусь беспощинно ввозились товары, которые затем переправлялись через открытую границу союзного государства в Россию, и на этом зарабатывались огромные деньги, часть которых «откатывалась» в так называемый фонд президента. Кстати, как потом выяснилось, Лукашенко в свое время было издано более двухсот указов о режиме действия коммерческих структур, которые при пересечении белорусской границы получали льготы при таможенном и прочих сборах.

Павел Шеремет в репортаже как раз и использовал съемки с белорусско-литовской границы. Естественно, что официальному Минску не понравились ни обвинения, ни сами съемки, во время которых, как предполагали чекисты, была нарушена государственная граница, и, соответственно, в действиях журналистов налицо состав преступления. Дело было слеплено, и Павла Шеремета, видеооператора Дмитрия Завадского и их водителя Сергея Овчинникова в очередной приезд в Минск задержали буквально у трапа самолета. Правда, водителя спустя некоторое время отпустили, а Шеремет и Завадский были арестованы и находились около трех месяцев под стражей в СИЗО Гродненского УВД, в котором «арендовались» камеры местного КГБ, осуществлявшего ведение дела по подследственности.

Конечно же, вокруг этого дела развернулась информационная

война между Россией и Беларусью. Выступая в то время перед журналистами, я подчеркивал, что в действиях Шеремета и Завадского нет состава преступления, — речь идет лишь о профессиональной деятельности, ни в одном цивилизованном государстве за подобный репортаж не привлекли бы к уголовной ответственности. Тем более, что граница между Беларусью и Литвой в то время была не только не установлена — юридически она вообще не была закреплена (т. е. не были проведены процедуры делимитации и демаркации). Поэтому не иначе, как курьезом, можно назвать тот факт, что следователи трижды выезжали на место «преступления» с тем, чтобы зафиксировать, где же фактически пролегает государственная граница, — ведь если речь идет о незаконном пересечении границы, надо показать, где оно происходило, и засвидетельствовать это в тех формах, которые предполагаются уголовно-процессуальным законом, и затем представить в качестве доказательства суду. Так вот, государственная граница Беларуси на этих документах менялась... трижды. И всё по той простой причине, что у следователей не было и быть не могло не только договора о демаркации межгосударственной границы, но и географической карты, где граница была бы определена соответствующей чертой, — не говорю уже о ее обозначении и обустройстве на местности.

Такой любопытный факт: следователи потребовали от телеканала ОРТ снятую кассету, так называемый исходник, т. е. использованный в репортаже видеоматериал. Ответ ОРТ был следующий: в репортаже Шеремета и Завадского был использован в том числе архивный материал, что же до исходников, то они стерты... Я в то время ездил, как «челнок», в Москву и объяснял, что можно представлять следствию, а что нет. «Все-таки Россия, хоть и дружественное, но сопредельное государство, — говорил я. — Пусть следователи присылают отдельное поручение в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, а та уже сама решает вопросы с запросами белорусской стороны». Попросту говоря, мы не дали широко развернуться следствию. Тем более, что «шили» они это дело сплошь белыми нитками, а я как адвокат всё это должен был «расшивать» и показывать истинное лицо и следствия, и прокуратуры, и наших судов, которые смотрели лишь в одну сторону — на главу белорусского государства, едва не доведшего это дело до межгосударственного конфликта. Уже и Борис Ельцин⁵⁵, когда журналисты однажды спросили его о Лукашенко, сказал: «Пусть сначала отпустит Шеремета!» Вся эта история смотрелась

скандально до смешного.

Понадобилось в том числе вмешательство министра иностранных дел России, у которого одним из пунктов рабочего визита в Беларусь значилось дело Шеремета и Завадского. Естественно, я не присутствовал при встрече высоких сторон, но знаю не понаслышке, как посол России принимал непосредственное участие в переговорах с Администрацией белорусского президента и отслеживал ситуацию, чтобы вопрос о российских журналистах не был забыт или заболтан. И действительно, министр иностранных дел России получил тогда заверения, что Шеремет и Завадский будут освобождены уже в самом скором времени. Собственно говоря, оно так и произошло, но уже после того, как случился межгосударственный скандал, после публичной перебранки двух президентов. И каково было в этой ситуации адвокату, который чуть ли не ежедневно был вынужден перед телекамерами комментировать абсурдность ситуации?.. Тем временем белорусская власть упорно доказывала, будто бы действует исключительно на основании закона, что-де арестованные совершили страшное преступление — дважды незаконно нарушили государственную границу. Наши блюстители закона пребывали в убеждении, что сотрудники ОРТ бесцеремонно прошествовали через государственную границу Республики Беларусь, потоптались на чужой земле, устремили объективы на родной шлагбаум и тем же путем вернулись назад, вторично совершив незаконное умышленное пересечение государственной границы. Однако в действительности никаких доказательств этому попросту не существовало. А если кто-то и хотел проверить это обстоятельство — пожалуйста, проверяйте, но не держите журналистов под стражей. Очевидно было, что всё упирается в главу белорусского государства, все же остальные просто взяли под козырек, и никто — от рядовых следователей КГБ и прокуроров, вплоть до Генерального, ни судьи, включая председателя Верховного Суда, — не хотел брать ответственность на себя, все ждали отмашки президента.

В конце концов Шеремет и Завадский были освобождены. Накануне я обратился в суд с очередным ходатайством об изменении меры пресечения — уже истек срок их нахождения под стражей, оговоренный в соответствующем постановлении следователя и санкционированный прокурором. Должен был состояться суд, но неожиданно его отложили. По моим же «агентурным» данным стало известно, что журналистов вот-вот должны освободить. На радостях я полетел

в следственный изолятор г. Гродно, его начальник говорит: «Никакой команды не поступало», — а сам, как впоследствии выяснилось, уже готовил арестантов к выезду. Сначала освободили Завадского, Шеремета же без лишнего шума повезли в Минск, пояснив, что будто бы перевозят в другую тюрьму. Причем повезли ночью, в наручниках и не в конвойной машине, а в обычной служебной, припугнув, что могут «шлепнуть» при попытке к побегу. Что же до суда, то это отдельная эпопея...

Надо сказать, что именно после этого дела я стал телевизионным героем — меня узнавали даже в Москве, незнакомые люди спрашивали на улице: «Вы адвокат Гарри Погоняйло?»

«КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ»

Нетрудно догадаться, что такой оборот дела не пришелся по вкусу инициаторам шумного спектакля, затеянного по капризу высокопоставленной особы, надеявшейся одним махом поправить свое политическое реноме, а вместо этого загнавшей себя в угол. И власти не нашли ничего лучшего, как обрушить свое недовольство на адвоката. Было предпринято колоссальное давление, призванное скомпрометировать меня, всячески опорочить в глазах коллег и общественности. Появилось несколько представлений подряд о нарушении мной правил профессиональной этики. Была дана команда всем службам найти хоть какой-то компромат на адвоката Погоняйло. Перешерстили все мои дела — шла поистине тотальная проверка всей профессиональной и финансовой деятельности, чтобы хоть где-то, хоть в чем-то меня уличить. Дошло до того, что каждое посещение Павла Шеремета превращалось в издевательство над адвокатом. Меня обыскивали с металлоискателем! И всего лишь для того, чтобы унижить защитника, покуражиться над ним, растоптать его человеческое и профессиональное достоинство. Только невдомек было моим экзекуторам, что меня не так-то просто сбить с ног: пепел ГУЛАГа, опаливший мое детство, до сих пор стучит в сердце. Он не дает примириться с произволом, несправедливостью, беззаконием даже высших мира сего...

Меня уже дважды привлекли к дисциплинарной ответственности, рассматривалось очередное представление Генеральной прокуратуры — на предмет того, что я что-то не то сказал в печати. Теперь меня могли запросто исключить из коллегии за систематические нарушения норм профессиональной этики. Я прекрасно понимал, что поставлена конкретная задача — выдать меня из адвокатуры Беларуси. Поэтому в канун октября 1997 года обратился с заявлением об увольнении по собственному желанию, и председатель коллегии, которого некогда я же сам и поставил на эту должность, вместо того, чтобы попытаться защитить меня от необоснованного давления и преследования, быстренько уволил — либо из желания «пографить» моим преследователям, либо из-за боязни за собственную судьбу. Впрочем, я осознавал, что едва ли найду поддержку не только у руководства коллегии, но и у своих товарищей. Так я перестал быть адвокатом Минской городской коллегии, создание которой когда-то инициировал.

Я сразу поехал в Москву (там уже были наслышаны о моих перипетиях) и, представив все необходимые документы, через неделю был принят в состав Московской межтерриториальной коллегии адвокатов, относящейся к адвокатскому объединению Гильдии российских адвокатов. Ее тогда возглавлял Гасан Борисович Мирзоев. В это время я еще был защитником по делу Павла Шеремета и намерен был продолжать заниматься этим делом, но уже в статусе российского адвоката. Однако по возвращении в Минск меня ждал новый сюрприз: ведший это дело следователь КГБ Борис Рагимов, увидев мой ордер Московской коллегии адвокатов, вынес постановление об отводе — меня из дела Шеремета убрали. Как раз в это время и разразился межгосударственный скандал, когда не выдержал уже Борис Николаевич Ельцин: что ж вы там творите?! Не только не отпускаете Шеремета, но еще и адвокату чините препятствия! Адвокат тут причем?..

В это время в Минске проходил съезд учителей, на котором выступал Лукашенко. По своему обыкновению отклонившись от основной темы, он поднял со своего места Генерального прокурора Олега Божелко и, упомянув почему-то российского адвоката Генриха Резника, которого мы хотели привлечь к делу Шеремета, спросил: «Что там с Погоняйло?» — «В связи с тем, что он стал российским адвокатом, — ответственность Божелко, — следователь вынес постановление о его отводе». — «Верните Погоняйло. Пусть защищает». Этого было достаточно, чтобы министр юстиции в тот же день отменил своим приказом постановление президиума Минской городской коллегии о моем добровольном отчислении из состава адвокатов.

Таким образом, я стал адвокатом двух коллегий: Минской городской и Московской межтерриториальной. Кроме того, было отменено и постановление следователя об отклонении меня как защитника по делу Шеремета и Завадского. И уже следователь Рагимов самостоятельно пригласил меня на следственные действия! Но я понимал, что быть адвокатом двух коллегий не могу — сам я всегда был против подобных прецедентов. Поэтому, учитывая искусственность созданного министром юстиции положения, я приостановил членство в Московской коллегии и с новым ордером Минской городской коллегии адвокатов вновь вступил в качестве защитника в дело Павла Шеремета.

Победу и возвращение в адвокатуру Беларуси мы праздновали недолго: как только Гродненским областным судом была рассмотрена наша кассационная жалоба, и приговор по делу вступил в закон-

ную силу, тот же министр юстиции отменил свой собственный приказ, и я опять стал вольной птицей. Таким образом, я мудро поступил, не выйдя из состава Московской коллегии, а лишь приостановив свое членство в ней. В итоге я стал российским адвокатом, и уже до выхода на пенсию работал адвокатом соседней державы.

Впрочем, в Беларуси меня не только не воспринимали как адвоката — моя адвокатская деятельность была запрещена в принципе: министр юстиции направил в суды и следственные подразделения (КГБ, милицию и прокуратуру) письмо, предписывавшее не допускать меня к работе в Беларуси в качестве адвоката Российской Федерации. Хотя уже тогда действовал международный договор об оказании юридической помощи по уголовным, гражданским и административным делам стран СНГ, согласно которому — как я его понимаю — адвокаты могут работать на территории любой из стран Содружества. И такая практика действительно существовала. Кого выбрать в адвокаты, кому доверить представительство своих интересов должен решать сам человек, а не следователи, не прокурор. Кстати сказать, сегодня многие так и заявляют, что не хотят иметь белорусских адвокатов, поскольку практически все они зависимые и боятся реально защищать, в особенности по громким, политически мотивированным делам. Боятся одного — власти. Поэтому и предпринимаются попытки пригласить адвокатов из России или даже Литвы. Но практика такова, что сделать это в Беларуси невозможно.

Что касается меня, то с белорусской стороны высказывались претензии в адрес российского Министерства юстиции, мол, на каком основании я, гражданин Беларуси, стал адвокатом Российской Федерации? И российский Минюст, проверив обоснованность моего приема в Московскую межтерриториальную коллегию, не нашел никаких оснований сомневаться в законности этого решения.

Впрочем, на этом дело не закончилось: раз уж меня, российского адвоката, не допускают работать на территории Беларуси, то и белорусских адвокатов перестали допускать к работе в России. Это был вполне адекватный ответ российского Минюста белорусскому Минюсту, в одностороннем порядке прекратившему исполнять международный договор и превратившему его, по сути, в фикцию. Таким образом, моя история снова привела к межгосударственному скандалу. И, к моему великому сожалению, эта конфронтация продолжается до сих пор.

ДЕЛО ВАСИЛИЯ СТАРОВОЙТОВА

Климов был осужден, завершилось дело Павла Шеремета и Дмитрия Завадского, дело Тамары Винниковой по-прежнему расследовалось, как вдруг возникло дело Василия Старовойтова⁵⁶ — оно было напрямую связано с делом Миколуцко-го⁵⁷. Именно тогда Лукашенко говорил о заговоре, о том, что Миколуцкий, как соратник президента, пал жертвой террористического акта. Тогда же были взяты под стражу Василий Леонов⁵⁸ и Василий Старовойтов — на том основании, что они якобы каким-то образом были связаны с террористами, взорвавшими Миколуцкого.

Уже не будучи адвокатом, я не мог защищать Старовойтова на предварительном следствии, ситуацию тем не менее отслеживал. Старовойтов был не только пожилым человеком — в то время ему было 75 лет, — но и человеком заслуженным, он был национальной гордостью Беларуси, дважды Героём Социалистического Труда — таких в стране были единицы. Причем известен был не только в стране, неслучайно об его освобождении из-под стражи и непривлечении к уголовной ответственности многие ходатайствовали из-за пределов Беларуси, в том числе ученые, общественные деятели и известные люди, наделенные соответствующими регалиями. Наши власти ко всем ходатайствам остались глухи.

В этом деле я участвовал как представитель общественности от Белорусского Хельсинкского Комитета. Защитником на суде была известный наш адвокат Вера Стремковская, она выступала по ряду громких дел, например, была адвокатом бывшего кандидата в президенты Михаила Маринича⁵⁹. Со Стремковской мы разработали определенную стратегию защиты Старовойтова: ознакомившись с материалами дела, я подготовил целый ряд ходатайств об освобождении его из-под стражи, о вызове в судебное заседание ряда свидетелей, об истребовании материалов, которые, по нашему мнению, позволили бы суду объективно рассмотреть это дело. Мы заявляли по три-четыре ходатайства едва ли не каждый день, по результатам которых суд вынужден был удаляться в совещательную комнату и принимать определенные мотивированные решения. С нашей стороны это не было тактикой затягивания процесса — мы пытались настроить суд на объективность, тем более, что было очевидно: судья Надежда Чмара находится под влиянием исполнительных органов власти и явно ан-

гажирована на то, чтобы вынести обвинительный приговор. Начать хотя бы с ходатайств об изменении меры пресечения: понятно, что Старовойтов не собирался никуда бежать, содержать его под стражей в силу возраста и по состоянию здоровья было нецелесообразно. Причем он ведь содержался в следственном изоляторе Бобруйска, и на каждое судебное заседание его должны были доставлять в холодном автозаке — дело происходило зимой, а здание суда находилось в пятидесяти километрах от Бобруйска. Это, безусловно, влияло на самочувствие и здоровье Старовойтова. Мы ставили вопрос о том, чтобы его освободили и он смог подлечиться, однако судья систематически, раз за разом, отклоняла наши ходатайства. Это вызывало, естественно, недоумение и тревогу за его судьбу: становилось все более очевидным, что власти намерены идти до конца, что они хотят раздавить Старовойтова. Власть вознамерилась не только сломить его, но и наказать за позицию: Старовойтов, человек прямой, не только не поддерживал Лукашенко, но и открыто говорил об этом без какой бы то ни было утайки. Доносчиков же хватало во все времена, они не переводились еще с советских времен: в период оттепели в начале 1990-х годов ничего существенного в этом смысле не случилось ни со страной, ни с нашими людьми. Думаю, власть предрасположена к неприкрытой позиции Старовойтова, потому-то он и стал мишенью для президента, и была дана команда стереть упрямого старика в порошок. Чем с удовольствием и занялись наши так называемые правоохранители.

Конечно, для человека, который был облечен определенным доверием и пользовался огромной известностью, это стало очень тяжелым испытанием. Старовойтов же был не только депутатом Верховных Советов БССР и СССР, но и известным реформатором сельского хозяйства; его высокие государственные награды свидетельствовали о том, что этот человек совершил не один трудовой подвиг, причем не ради собственной славы, а ради дела, которым занимался. И те издевательства, которые он вынужден был теперь сносить, дано выдержать не каждому — для этого надо было обладать мужественным, стойким и праведным характером, каким и отличался Старовойтов...

Через пару недель после моего пребывания в судебном процессе и после того, как я несколько раз заявил отвод судье Чмаре, она приняла решение об отводе уже меня из числа участников процесса,

и меня — удалили. Далее это дело я отслеживал по публикациям в прессе. Старовойтова осудили на два года лишения свободы. Срок он отбывал в оршанской колонии, через год был освобожден. Накануне Лукашенко, выступая в Витебской области, заявил, что дал команду, чтобы старика выпустили из тюрьмы: мол, свое отсидел и, хлебнув горя, уже образумился.

Между прочим, по приговору всё того же суда имущество Старовойтова подлежало конфискации. Под конфискацию попала в том числе его огромная личная библиотека, носившая самый разнообразный характер: там была и художественная литература, и специальная литература по сельскому хозяйству. Старовойтов считал эту библиотеку главным своим богатством. Теперь она была конфискована. Вместе, к слову сказать, с мебелью, сделанной в его хозяйстве, что также пытались ему инкриминировать как злоупотребление служебным положением. Но примечательно, что тогда в Минске еще находился офис ОБСЕ, и когда суд выставил библиотеку Старовойтова на торги, представители ОБСЕ выкупили ее и затем передали прежнему хозяину. Такой вот благородный поступок, свидетельствовавший, что эта уважаемая организация не верит ни обвинительному приговору, ни действиям властей, пытавшимся оболгать Старовойтова...

Со Старовойтовым я встречался и тогда, когда он был освобожден, был приглашен и на празднование его 80-летия. Василий Константинович не смирился с осуждением и жестким попранием своего честного имени. Он и тогда высказывал нелицеприятные вещи в адрес Лукашенко и нынешней власти. Многие его пророчества, кстати сказать, сбылись: Лукашенко не сумел привести Беларусь к благоденствию. Он оказался не в состоянии провести значительные реформы в стране, в том числе экономического характера. Лукашенко — приверженец старой, советской административно-командной системы управления государством и обществом. Восстановив эту систему в стране, он пытается выжать из нее хоть что-то, хотя давно очевидно, что система эта абсолютно не состоятельна, экономика дает огромные сбои. Лишнее тому свидетельство — итог 2011 года, когда белорусский рубль рухнул едва ли не в три раза, что привело к резкому обнищанию белорусов. Те же меры и методы, которые пытается применять нынешнее правительство, также не сулят ничего хорошего, поскольку по уровню инфляции мы чуть ли не впереди планеты всей, занимаем ведущие в этом смысле позиции и в европей-

ской части континента, и среди стран СНГ. Причем абсолютно не понятно, каким образом регулируется ценовая политика в стране: курс доллара практически не изменен, а цены в рублевом исчислении постоянно растут. И эта практика — цены регулирует государство или, по крайней мере, оно оказывает влияние на ценообразование — порочна в самом зародыше, поскольку таким образом государство пытается за счет трудового народа залатать те экономические бреши, которые само же и создает, оно пытается перекрыть экономические провалы, во-первых, непомерной эксплуатацией граждан, во-вторых, низкой оплатой труда белорусов. В результате такого государственного хозяйствования и очередного увеличения заработной платы трудовой человек каждый раз остается внакладе.

Лукашенко не стремится к демократическим преобразованиям в Беларуси. Он просто вцепился во власть, которую болезненно хотел получить и которая досталась ему случайно, не по заслугам. Я еще не был знаком с психиатрическим заключением врача Щигельского⁶⁰, обратившего внимание на многие любопытные аспекты жизни Лукашенко, но уже изначально — когда он был еще депутатом — наблюдал эту его маниакальность в стремлении заполучить власть во что бы то ни стало. Теперь он делает всё, чтобы удержать себя родного на политическом Олимпе, и выжимает из страны, из белорусского народа всё, что только можно выжать. Его совершенно не интересует проведение широкой модернизации страны. И хотя он о ней много говорит, но практически ее не проводит, потому что это не есть его искреннее желание. Он уже почти двадцать лет говорит одно, а делает совершенно другое. Популизм буквально прет из него. И я не понимаю западных политиков, рассчитывающих на то, что с Лукашенко можно договориться. Договариваться можно, но не по тем краеугольным вопросам, которые относятся к обеспечению его единоличной власти. Он всегда действовал как диктатор и никогда от этого не отступится. Лукашенко прекрасно осознает, что если будет руководствоваться демократическими принципами и нормами поведения, то власть упустит, поэтому о какой смене курса на демократию может идти речь?! Старовойтов был десять тысяч раз прав в том, что Лукашенко, увы, не тот государственный деятель, который может привести страну к возрождению, экономической стабильности и достойной жизни ее граждан.

ДЕЛО МИХАИЛА ЧИГИРЯ

Весной 1999 года политические партии и лидеры независимых профсоюзов приняли консолидированное решение об отстранении от власти Лукашенко путем проведения альтернативных выборов президента Республики Беларусь, так как в июле 1999 года заканчивался первый срок его президентства. Организаторами этой кампании были несколько партий, но наиболее активно проявила себя Объединенная гражданская партия, выставившая на альтернативных президентских выборах своего кандидата — бывшего премьер-министра Михаила Чигиря⁶¹. Кроме того, в рядах ОГП уже состояли Виктор Гончар и Юрий Захаренко⁶². В рамках кампании были организованы Центральная, территориальные и участковые избирательные комиссии. Вторым кандидатом в президенты был Зенон Позняк⁶³ — от Белорусского народного фронта.

Эта политическая кампания набрала неплохие обороты, она была хорошо воспринята многими гражданами, и, конечно, власти испугались, поскольку впереди маячила ситуация двоевластия, когда бы объявлено о победе одного из кандидатов в президенты, что, по мнению организаторов выборов, вызвало бы серьезные осложнения лично для Лукашенко. Именно тогда появился документ, сработанный в недрах КГБ и Совете безопасности, в котором шла речь о противодействии этой кампании и, в частности, ее лидерам: Виктору Гончару, Зенону Позняку и другим. Намеченные в этом документе мероприятия охватывали широкое поле деятельности, начиная от преследования политических партий и общественных объединений, их разложения путем внедрения сотрудников КГБ, политической слежки за лидерами, контроля за дипмиссиями и многого другого, что никак не вписывалось в положения Конституции — методы борьбы власти с оппозицией носили явно антиконституционный характер. Что и подтвердили дальнейшие события — начались политически мотивированные исчезновения людей, что являлось прямым результатом обеспокоенности руководителей страны альтернативными президентскими выборами: в мае 1999 года исчез Юрий Захаренко, в сентябре — Виктор Гончар и Анатолий Красовский. А еще раньше, 30 марта, был арестован Михаил Чигирь. И тут же публично было заявлено, в том числе и Лукашенко, что Чигирь якобы украл около миллиона долларов (в последующем сумма только росла). Было оче-

видно, что власти решили разделаться с одним из претендентов на должность президента при помощи уже отработанного средства — уголовной юстиции⁶⁴.

Занимаясь делом Чигиря, я встретил в его материалах любопытную справку, составленную Шейманом, на которой рукой Лукашенко была начертана резолюция: «Возбудить уголовное дело, взять под стражу». Не знаю, по какой причине этот исторический документ оказался в деле Михаила Чигиря — вероятно, благодаря честности следователя, — но он стал еще одним неопровержимым доказательством вмешательства Лукашенко в деятельность правоохранительных органов по возбуждению уголовных дел, их расследованию и осуществлению правосудия... Что же до содержания этой самой справки, то она являла собой полную абракадабру — ведь что за юрист г-н Шейман⁶⁵? Справка была наработана, очевидно, кем-то из представителей МВД, имевшим предварительную и весьма поверхностную информацию о деятельности «Белагропромбанка». В вину Чигирю вменялось пять эпизодов, четыре из которых относились как раз к тому периоду его деятельности, когда он являлся председателем правления «Белагропромбанка»: строительство офисного здания и выдача кредитов под определенные бизнес-проекты. Эпизод же времен премьерства Чигиря касался обеспечения сделки, связанной с кредитованием через Национальный банк.

Я вступил в это дело в качестве представителя общественности от Белорусского Хельсинкского Комитета, когда оно было передано в суд. Профессиональным защитником являлся мой коллега и друг Александр Пыльченко. Тогда же написал многостраничное ходатайство о прекращении дела в связи с тем, что обвинение по вменяемым в вину эпизодам нельзя считать доказанным. Дело рассматривалось Минским городским судом под председательством судьи Николая Самосейко. Суд, рассмотрев мое ходатайство, как ожидалось, отклонил его.

Материалы дела составляли около восемнадцати томов: там было очень много документов бухгалтерского характера, экспертные заключения, допросы свидетелей, очные ставки... Было очевидно, что следствие — с учетом того, что проводилось оно поверхностно и не объективно — раздуло дело с одной лишь целью: создать видимость большой и серьезной работы и тем самым напустить побольше тумана. Впрочем, как мне кажется, в ходе судебного процесса этот туман

нам удалось развеять. Достаточно сказать, что дело увеличилось еще на пару томов — за счет многочисленных наших ходатайств и представленных документов. И хотя обвинительный приговор был-таки принят, однако благодаря нашим упрямым стараниям и четко представленным доказательствам Чигирь по четырем из пяти обвинительных эпизодов был оправдан. В качестве же обвинительного материала, оставшегося по приговору, фигурировал самый недоказанный, по нашему мнению, эпизод: если бы Чигирь был оправдан и по этому обвинению, тогда, в связи с истечением давности сроков, рушились остальные эпизоды, и пришлось бы выносить в целом оправдательный приговор. А поскольку дело было инспирировано Лукашенко, следовательно, судья не мог рассчитывать на то, что в случае вынесения законного и справедливого оправдательного приговора он по-прежнему останется судьей, поэтому и выбрал компромиссный вариант — и волки сыты, и овцы целы. Власть обласкала судью Самосейко: он во второй раз избран депутатом в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, возглавляет комиссию по международному сотрудничеству...

Отсидев фактически восемь месяцев, Чигирь был освобожден из-под стражи. К этому времени бесследно исчез Юрий Захаренко, в отношении которого еще раньше также было возбуждено уголовное дело о незаконном влиянии на следствие — так была интерпретирована его встреча с бывшими подчиненными в Гомельском УВД, где он некогда проходил службу⁶⁶. Что же касается Виктора Гончара, то сначала он был привлечен к административной ответственности. Находясь под арестом, объявил голодовку, но власти начали кормить его принудительным образом... Я также участвовал в этом судебном процессе и требовал прекращения дела в связи с отсутствием в его действиях административного проступка. Позже Гончара пытались привлечь к уголовной ответственности — за незаконное присвоение звания председателя Центральной избирательной комиссии на альтернативных выборах, создание противоречащих законодательству и Конституции избирательных органов. Затем вместе с другом бизнесменом Анатолием Красовским он исчез. Именно таким крайне жестким образом власти удалось взять ситуацию под контроль...

После выхода Михаила Чигиря на свободу мы решили добиваться окончательного оправдания и написали убедительную кассационную жалобу в Верховный Суд, который приговор в части обвинения от-

менил и направил дело на дополнительное расследование, в ходе которого оно было прекращено за отсутствием события преступления. Таким образом, мы доказали абсолютную невиновность Чигиря. Однако власти не оставили бывшего премьера в покое и предъявили ему новое обвинение — на этот раз за неуплату налогов. Участвия в этом деле я не принимал, поскольку к тому времени изменилось действующее законодательство — статьи, по которым было возможно участие в судебных процессах общественности, из нового процессуального закона были исключены. В этот раз Михаил Чигирь был осужден, правда, условно, но с конфискацией имущества⁶⁷.

ПРАВАЗАЩИТНИК С 1997-го

Когда я уходил из адвокатуры, в производстве у меня еще были дела, для завершения которых мне нужна была какая-то правовая опора — чтобы не оставить людей без юридической помощи. Тогда-то и подумал: а почему бы не использовать правозащитное общественное объединение, которое точно так же, как и адвокатура, имеет право если не на профессиональную, то, по крайней мере, на общественную деятельность в судах. Согласно нашему законодательству общественный представитель обладает теми же, за небольшим исключением, правами. Он вправе оказывать юридическую помощь и участвовать в работе судов по рассмотрению конкретных дел.

Так я пришел к мысли заняться правозащитной деятельностью, но уже на общественных началах, а на хлеб зарабатывал, оставаясь российским адвокатом. С ноября 1997 года я стал членом Белорусского Хельсинкского Комитета, причем практически сразу же был избран заместителем председателя, а впоследствии стал возглавлять комиссию по юридическим вопросам. Адвокатская деятельность по своей природе — это правозащитная деятельность. К тому же тут много общего с моей работой в Союзе адвокатов, когда мы проводили и аналитическую, и исследовательскую работу, когда анализировали, как именно работают законы и какие изменения и дополнения требуются в случае подготовки новых законопроектов. Правозащитная организация озабочена, по сути, тем же самым: мы отслеживаем работу законов — в какой мере они позволяют защищать те или иные права человека, проводим мониторинг судебной деятельности — насколько эффективно справляются со своими задачами суды, в какой степени соблюдаются права граждан при обращении в органы власти, прокуратуры и милиции. Кроме того, мы предоставляем государственным органам и ту общую картину, которую отслеживаем по результатам нашего мониторинга: насколько реально действует тот или иной закон, есть ли в нем пробелы или вопросы двойного толкования. А поскольку жизнь не стоит на месте, и возникают новые правоотношения, мы, помимо всего прочего, готовим новые законопроекты, которые затем предлагаем законодателям, Совету Министров или Министерству юстиции. Хотя наша организация общественная, но, имея дело с государственными органами и должностными лицами, мы должны быть на равных с ними по своим знаниям, квалификации,

наконец, по умению применить в интересах граждан знание законов, отследить практику их применения судами, другими органами и должностными лицами.

Едва ли ошибусь, если скажу, что наши аналитические доклады и переписка с государственными органами приносят определенную пользу. Сейчас мы, например, ведем переписку с Советом Министров и иными субъектами о так называемом косвенном доступе к конституционному правосудию, поскольку видим, что Конституционный Суд давно не работает: субъекты, уполномоченные направлять предложения о проверке конституционности тех или иных нормативно-правовых актов, на протяжении последних пяти лет абсолютно этим не занимаются. Аналогично бездействуют и суды, которые тоже должны были бы вести соответствующую работу, способствовать наведению конституционного порядка, законности. Значит, те формы и средства, которые предложил законодатель, не эффективны. Вот мы и пытаемся исправить ситуацию. Мы предлагаем: давайте внесем соответствующие предложения и изменим наше законодательство таким образом, чтобы граждане могли воспользоваться конституционным судопроизводством, потому что речь идет, как правило, о правах и свободах человека, которые пробуксовывают, не реализуются исполнительной властью или же имеют существенные дефекты. Давайте попробуем решить этот вопрос совместными усилиями. Мы, общественники, не можем сами по себе принять закон и внедрить его в практику — это могут сделать только законодатели, исполнительная и судебная власти. Вот им-то мы и хотим помочь.

Работая же по мониторингу судов, мы видим, что существуют серьезные проблемы с доступом к правосудию как таковому: высокие госпошлины, волокита в судах, вынесение незаконных решений, необоснованные отказы в правосудии, в ряде случаев — высокие ставки по оказанию юридической помощи гражданам, что в конечном итоге также является проблемой доступа к правосудию. Однако мы не только проводим мониторинг судов, но порой сами участвуем в судебных разбирательствах, сопровождаем наших клиентов от суда первой инстанции до судебных кассационных инстанций, а затем вплоть до Верховного Суда Республики Беларусь. Иногда переносим эти проблемы в Комитет по правам человека ООН: помогаем человеку подать жалобу, в которой также говорим о проблемах нашего правосудия. Правда, другой вопрос, насколько государственные органы и должностные лица восприимчивы к предложениям и рекомендациям, изложенным

в соображениях Комитета по правам человека. Наша власть крайне неуважительно реагирует на мнение общественности, международных организаций и институтов, заинтересованных в продвижении стандартов в области прав человека и соблюдении этих самых прав...

Кроме того, мы проводим мониторинг каждой избирательной кампании в Беларуси. Мы, правозащитники, не можем считаться заинтересованными людьми, поскольку не вовлечены в избирательную кампанию непосредственно: мы не выдвигаем и не поддерживаем кандидатов в депутаты или президенты, не участвуем в избирательных администрациях. Мы отслеживаем лишь сам избирательный процесс с точки зрения соблюдения норм действующего законодательства и тех международных стандартов в области избирательного законодательства, которые действуют в том числе и для нашей страны. Если эти нормы и стандарты нарушаются, то мы фиксируем нарушения, а затем на их основе представляем общую оценку: насколько прозрачными, справедливыми и честными были выборы.

Вообще, правозащитная деятельность очень многообразна: это и личный прием граждан, и аналитическая, и мониторинговая деятельность, и наработка проектных предложений по законодательству, и информирование нашей и международной общественности о состоянии дел с правами человека в Беларуси, и образовательные программы, включающие обучение правам человека целевых групп (молодежи, партийных активистов, правозащитников и тех, кто преподает права человека в учебных заведениях), издание соответствующей просветительской литературы (права студентов, как вести себя с работниками милиции при задержании, при обыске и т. д., и т. п., то есть те вопросы, с которыми могут сталкиваться граждане в повседневной жизни). Наконец, просвещение, которое мы проводим для того, чтобы нашими трудами, нашими оценками по тем или иным острым проблемам могло воспользоваться белорусское общество. Например, когда целой группе политических и общественных активистов и правозащитников было незаконно отказано в праве на выезд из Беларуси, мы не только освещали эту проблему, но и подсказывали тот инструментарий, которым можно воспользоваться для того, чтобы побудить власть исправить это ненормальное положение. Или вопрос о дактилоскопии, возникший после взрыва в Минске в 2008 году. Это волновало многих, поскольку принудительная дактилоскопия приняла массовый характер. Мы не только писали об этом, но и оказывали

юридическую помощь, советовали, как вести себя в этой ситуации. То есть мы занимаемся своего рода правозащитным информационным ликбезом. В этом смысле очень много интересного и познавательного можно найти, заглянув на наш сайт: <http://www.belhelcom.org>.

Конечно, у власти есть к нам претензии, поскольку именно правозащитники реально представляют положение дел с правами человека в стране и информируют об этом международные правозащитные организации, правительства зарубежных стран и межправительственные организации и структуры, которые затем принимают соответствующие меры и выстраивают политику в отношении нашего государства с учетом состояния с правами человека. Мы стремимся быть предельно объективными. И наше видение по каждому грубому нарушению прав человека пытаемся донести прежде всего до белорусского правительства и требуем от него исправления ситуации как по отношению к каждому конкретному человеку, так и к проблеме в целом. И только вслед за этим информируем международную общественность. Но если наше правительство, будучи проинформированным, не принимает никаких мер (а в ряде случаев даже усугубляет ситуацию), то тут нечего, как говорится, на зеркало пенять и обвинять нас в том, что мы, представляя якобы искаженную и неверную информацию, занимаемся дискредитацией страны. Сегодня, в XXI веке, озабоченность в области прав человека — дело всех государств, всего мирового сообщества, а не внутреннее дело страны, как любит говорить Лукашенко. Он, кстати, кичится тем, что Беларусь стояла у истоков образования Организации Объединенных Наций и является ее соучредителем. Это действительно так, но коль вы, правители, от имени народа подписали международные договоры, в том числе в области прав человека, то тем самым взяли на себя обязательства выполнять их в своей собственной стране по отношению к своим же гражданам. И вполне логично, что остальные страны, в том числе учредители ООН, имеют полное право спросить с белорусского правительства за происходящее здесь. Но если эта вполне дружественная реакция не находит отклика, резонно ставить вопрос о применении санкций там, где это необходимо. Однако не потому, что так хотят оппозиционные политики или правозащитники, а потому что так ведут себя президент и правительство. Вы ратифицировали Пакт о гражданских и политических правах (изложенные в нем права и свободы, кстати сказать, продублированы в нашей Конституции), так будьте добры — соблюдайте!

НЕ ПОВОД СДАВАТЬСЯ

Обычно я говорю: если у судьи нет профессионального мужества следовать закону, ему необходимо уйти из профессии. А многим сегодня не хватает и гражданского мужества осуществлять правосудие. И верша несправедный суд — осуждая невиновного, они тем самым совершают преступление в том числе против правосудия. Те же дела по Площади 2010 года⁶⁸ — это все несправедные приговоры. А сколько таких несправедных решений выносятся в Беларуси в последние годы? Тысячи! Так судейский корпус и разлагается, поскольку перестает быть ответственным за то, что делает, и уповает лишь на то, что раз уж хозяин-барин приказал вынести несправедливый приговор, следовательно, ему за него потом и отвечать. Но нет — отвечать будут все виновные, в том числе и судьи. Когда я некоторых из них предупреждаю об этом, они начинают охать: «Ну, вы же знаете, Гарри Петрович, в каких условиях мы работаем, почему мы приняли то, а не иное решение! У нас семьи, дети, нас выкинут из профессии — мы работу не найдем!» Я спрашиваю: «Так что, лучше преступление совершить в мантии судейской?» Многие из них носят кресты, ходят в церковь, ставят свечи перед иконами и осеняют себя крестным знаменем пред ликом Христовым! Поэтому не могу терпеть ханжества, просто элементарно не могу их уважать. Да и многие мои собратья-адвокаты тоже давно примирились с существующей действительностью и прекрасно понимают, что никакой состязательности в нашей профессии нет и в помине, поэтому, мол, нечего бисер перед свиньями метать. Зачем напрягаться в поисках доказательств невиновности или меньшей виновности? Гонорар получил — и слава Богу. И что ему чужие страдания?!

Мы живем в отвратительное время. И сам я в профессиональном плане многое потерял и многого не сделал только потому, что время лихое. Выросло целое поколение, которое не видело другой жизни. И это страшно. Потом это поколение надо будет сорок лет водить по пустыне, чтобы выдавить из него раба, чтобы ушло всё то омерзительное, что было вложено в него за эти двадцать лет, а может, и более.

Сегодня я, несмотря ни на что, пытаюсь использовать всё, что дал мне Господь и что предлагает закон. Однако не могу победить зло по одной причине — судья принимает не то решение, которое велит ему принять закон, его судейское убеждение, а то, что приказали при-

нять: приказали осудить — он и осуждает. И не всегда, кстати, по политическим мотивам: надо, например, отнять бизнес у человека или дискредитировать, чтобы его должность занял другой, более проницательный, — тогда-то и вступают в силу коррупционные связи, начинается поиск механизмов, каким именно образом убрать неудобного человека. И как быть с работой адвоката в ситуации, когда понятие истинного правосудия отсутствует, а момент состязательности исключается? Потому-то сегодняшнее время я переживаю очень болезненно: мне крайне жаль моих братьев-адвокатов, юристов, которые оказались под давлением власти, никак не связывающей себя законом. Более того, я опять-таки открыто говорил и говорю: если власть не основана на законе и, напротив, употребляет силу, а не закон, тогда это не власть, а ОПГ — организованная преступная группа. Мы, граждане, передаем свои властные полномочия, свой суверенитет по управлению государством и правосудием тем, кого выбираем или назначаем: депутатам, президенту, судьям, прокурорам и иному чиновничеству. И все они — от президента и до последнего чиновника — должны действовать лишь на основании закона. Так должно быть по природе и по существу. Однако на практике всё это выворачивается наизнанку, ставится с ног на голову, и вот уже судья руководствуется не законом, а тем, что ему продиктовано либо его начальниками в судейских мантиях, либо чиновниками исполнительной власти, вплоть до самого главного, — и назвать это судом уже нельзя. Осуществлять в таких условиях профессиональную деятельность адвокату крайне сложно.

Однако это, конечно, не повод опускать руки и сдаваться. Более того, в этих условиях я чувствую себя бойцом и считаю, что действую абсолютно правильно, потому что если я, если все мы опустим руки и сдадимся, то те, кто незаконно удерживает сегодня в своих руках государственную власть, натворят бед гораздо больше. Ведь в том же 1999 году, в условиях фактического двоевластия, когда многие пытались отстранить Лукашенко от власти (и такие возможности, в том числе и уличного характера, действительно существовали), он пошел на преступление, связанное с физическим устранением политических оппонентов. На юридическом языке это называется внесудебные казни. Но когда об этом громко заговорили, заговорили в том числе и о привлечении к уголовной ответственности, — в стране не произошло больше ни одного политически мотивированного исчезновения,

а если быть точным, то — преступления. Это стало хорошей прививкой для Лукашенко и его команды. Да, в их арсенале появились иные методы — ими давно уже используется административная и уголовная юрисдикция, в том числе превентивные задержания и незаконные осуждения оппонентов режима, активистов гражданского общества. Но, по крайней мере, они теперь не убивают.

К тому же мы не утратили возможности открыто ставить вопрос о преступлениях власти. Да, тогда были внесудебные казни, теперь — незаконные осуждения, и все вместе — это преступления. Те же президентские выборы после 1996 года я характеризую как очередные эпизоды, связанные с незаконным удержанием государственной власти, захваченной неконституционным путем. Это не менее серьезное преступление. И правосудие должно свершиться! А если оно еще и повлекло смерть граждан, то тут уже возможен приговор вплоть до расстрела. Именно это ждет тех, кто сегодня незаконно удерживает власть в стране или способствует этому. Я верю и надеюсь на торжество справедливости.

Конечно, Лукашенко исключает такой исход, но ведь и Пиночет⁶⁹ не ожидал, что предстанет перед судом. Мог ли чилийский диктатор думать, что его посадят на скамью подсудимых испанский судья и британское правосудие? В данном случае речь идет о так называемой универсальной уголовной юрисдикции. Эту уголовную универсальную юрисдикцию я и пытаюсь применить к нашим подозреваемым в политически мотивированных похищениях известных людей Беларуси. Специально с этой целью в последние годы я изучаю законодательство западных стран. Это не важно, что преступления произошли на территории Беларуси и совершены белорусскими гражданами, — преступления подобного рода относятся к разряду международных: экоцид, геноцид, нарушение правил ведения войны, пытки, похищение людей, за которым следует их исчезновение, внесудебные казни, преступления по политическим, расовым и прочим мотивам — всё это подпадает под понятие «преступление против человечества». И любая страна, имеющая подобную универсальную уголовную юрисдикцию, может применить ее процедуры для обвинения тех, кто совершил указанные преступления.

Вообще говоря, я считаю себя юристом-идеалистом, который хочет одного — соблюдения законности. Можно говорить и об определенном романтизме. Но романтик иногда видит мир в розовом све-

те, его эмоции пережестывают — он готов своротить горы, обратить реки вспять... Что же касается закона, то тут я идеалист в том смысле, что уповаю на закон, который бы идеально отвечал потребностям человека. Если закон будет исполняться, то урегулированы будут и те конфликты, которые возникают между людьми, между гражданином и государством. Однако сегодня система не работает, и вовсе не потому, что порой закон плохой, а потому что та инстанция, которая должна применить закон, не только не применяет его — она этот закон извращает, топчется на нем. Один из последних примеров — дело об экстремизме в отношении фотоальбома «Прэс-фота Беларусі 2011»⁷⁰. Мы пытались сделать все, чтобы суд не признал материалы экстремистскими, подготовили общественную юридическую экспертизу, представили разумные доводы, опираясь на международную практику. Но суд, вопреки и закону, и сложившейся практике, принял иное решение. То есть закон в очередной раз не сработал, а сработали другие рычаги влияния на судью. Хотя, конечно, в данном конкретном случае можно говорить и о недоработанности закона, об определенных двусмысленностях, заложенных в него, не исключая, сознательно. Однако при грамотном понимании закона, толковании его в пользу прав и свобод человека решение суда было бы иным. А правильное его понимание — это когда мы будем озабочены прежде всего обеспечением прав человека, а не ложно понятыми интересами государства, поскольку государство — это мы сами, и если в ходе судебного разбирательства будут обеспечены наши права и законные интересы, следовательно, будут обеспечены интересы и государства, обеспечены в вопросах национальной безопасности, морали и нравственности. Когда же во главу ставятся надуманные, мнимые интересы государства или, хуже того, превалирует страх уронить чью-то честь — особенно, если речь идет о высоких должностных лицах — то не дай Бог!

НЕПОДВЕДЕННЫЕ ИТОГИ

Еще в подростковом возрасте, когда задумывался, как жить и с кого, что называется, брать пример, уже тогда считал, что именно я ответственен и перед собой, и перед окружающими меня людьми за тот выбор, который сделал. Решил исправить успеваемость в учебе — и действительно справился и практически догнал наших отличников, хотя был средним учеником. Тогда же на экзаменах в выпускном десятом классе у меня была только одна «четверка», все остальные «пятерки», это был лучший результат в моем классе. Да, я рос в детском доме и, патерналистски настроенный юноша, мог плыть по течению и дальше в надежде на помощь государства. Но я понимал, что выбор будущей профессии (что именно меня увлекает? где я с большей пользой смогу помочь стране и людям, смогу с интересом прожить отпущенное Богом время?) — это дело очень серьезное. И соответственно к этому отнесся: многим интересовался, много читал; надо было получить рабочую специальность и отработать положенные два года, чтобы затем поступить на юридический факультет? — пошел работать на завод; надо было идти в армию? — пошел с легким сердцем, и если после первого месяца курса молодого бойца за недисциплинированность имел только неотработанных шестнадцать нарядов, то к окончанию срока службы был уже отличником учебно-боевой подготовки, аттестован на специалиста 1-го класса, да еще во время армейской службы успел подготовиться к поступлению на юридический!.. И так по всей судьбе. После окончания университета по распределению уехал на периферию. А когда предложили стать судьей, опять же согласился, поскольку понимал: эта работа даст мне более широкое понимание юридической профессии, проверит мою профпригодность — я ведь знал, что вернусь в адвокатуру... И из Министерства юстиции ушел осознанно, хотя мне было только сорок четыре года, я занимал довольно приличную должность и еще можно было делать карьеру. И когда брался за громкие дела, а некоторые коллеги советовали: «Не берись. Опасно. Пойдешь “под раздачу”», — я всё же делал так, как делал, просто потому, что чисто по-человечески не мог поступить иначе, а коль уж впрягся в работу, то делал всё от меня зависящее.

Хотя, конечно, соглашусь, что мои публичные выступления подчас политизировали мою деятельность, но, во-первых, адвокат — фи-

гура публичная, в ряде случаев только таким образом можно было повлиять на ситуацию; во-вторых, изначально эти дела были политизированы не мною, а президентом, его окружением, озвучивавшим в средствах массовой информации позицию по уголовному преследованию этих людей и тем самым оказывавшим незаконное воздействие на весь ход расследования дел и судебный процесс. Человек не осужден, а Лукашенко, например, уже заявляет о его виновности, т. е. о том, о чем он как глава государства, гарант соблюдения прав человека, просто не имеет права говорить, и тем самым, по существу, дискредитирует происходящий процесс. К тому же он не просто вмешивается в расследование дел и оказывает давление — те люди, которые ведут следствие, руководствуются уже не законом, а установками главы государства. Они не просто становятся безвольными — они в своих действиях парализованы и вынуждены вести себя, как та мышь, что ползет в пасть змеи: пищит и все равно лезет в разинутую пасть — настолько ее воля к жизни подавлена страхом! Точно так же парализованы наши следователи, прокуроры и судьи, если глава государства уже озвучил свою позицию. В этой ситуации не приходится ждать соблюдения закона и правосудного рассмотрения дела.

Я не был парализован Лукашенко. Может быть, потому, что у меня никогда не было пиетета к нему. Я наблюдал этого человека еще в его бытность депутатом, встречался с ним во время подготовки Конституции — он не импонировал мне с самого начала. Меня ничто не связывало с ним, поэтому я был абсолютно свободен, в том числе и в критике его действий. Правда, мне порой пеняли: «Если бы не лез на рожон, может, всё бы обошлось». Но ситуация была такова, что, защищая своих клиентов, я всеми фибрами души противился беззаконию и всё свое профессиональное умение направлял на то, чтобы предотвратить трагедию людей — их незаконное осуждение и тюремное заключение.

Надо сказать, что я никогда не боялся возвысить голос за тех, кто нуждался в публичной защите, хотя понимал, что Лукашенко мог, наверное, раздавить и меня. Правда, однажды он все-таки дал команду «поднять меня на вилы» — и действительно подняли, выдавили из адвокатуры, как пасту из тюбика. Но в порошок не стерли. Почему? Не знаю. Тем более, что я выступал в СМИ с требованиями о возбуждении уголовного дела, в том числе и в отношении Лукашенко, по фактам громких исчезновений. И хотя впоследствии, в 2004 году, всё

же поступила команда о возбуждении уголовного дела за клевету на президента и высших должностных лиц государства уже в отношении меня, но, думаю, что за этим стоял все-таки генпрокурор Шейман, а не Лукашенко. Конечно, я как адвокат сделал всё, чтобы защитить самого себя и не оказаться в тюрьме за клеветнические измышления, однако не думаю, что расследовавший это дело следователь и прокуроры Минска не испытывали давления со стороны Генпрокуратуры, которой руководил Шейман: мол, выжми из этого дела всё, но докажи, что Погоняйло виноват! Тем не менее я, по-видимому, все-таки сумел убедить следователя в своей невиновности — во всяком случае, он принял постановление о прекращении дела, согласно которому я был полностью реабилитирован. С данным решением согласились и прокуроры. Не исключаю, что боялись гласного судебного процесса и знали, что у меня есть, что сказать и что предъявить в качестве доказательств своей невиновности.

Впрочем, меня в принципе невозможно остановить, если я считаю себя правым, невозможно заткнуть рот. И если надо заявить публично об очередном беззаконии — я обязательно это сделаю. Пусть даже со стороны это выглядит, будто бросаюсь на амбразуру, — это звучит, конечно, громко, но фактически иногда так и получается. Свой выбор я каждый раз делал осознанно и принципиально, по всем без исключения стратегическим вопросам своей жизни. Поэтому и жалеть мне не о чем. Да и дороги назад, как известно, нет.

ВМЕСТО P.S.

Я поздно женился. Свою Зинаиду Григорьевну, в девичестве Белецкую, встретил в Костюковичах. Ей было годков восемнадцать, девятнадцатый шел, а мне уже было двадцать шесть. Я увидел ее в кинотеатре, она сразу понравилась мне: маленькая и красивая, в белой шапочке. Познакомились, стал ухаживать, затем был представлен ее родителям: Григорию Егоровичу Белецкому, работавшему старшим землеустроителем в Костюковичском райисполкоме, и Анастасии Федоровне, работавшей в детском саду. Правда, все ее называли Надей, поэтому и я называл Надеждой Федоровной. Она родила Григорию Егоровичу четверых девчат, моя была самая младшенькая. Работала на метеостанции, хотела поступить в медицинский институт, но тут случилась наша любовь-морковь, что и помешало ей продолжить учебу. В 1973 году мы сыграли свадьбу, сыграли прямо в здании суда, в зале заседаний. Правда, свадьбу пришлось устраивать трижды: в Быхове, затем у нас в Минске, в материнском доме, и в третий раз — в Костюковичах, для родных и друзей Зины. В скором времени появился наш первенец Алексей, через пять годочков жена родила дочку Леночку. А сейчас у нас четыре внучки-бусинки. Есть еще внук Константин — Елена вышла во второй раз замуж, и у ее мужа Ильи есть сын от первого брака, который живет с отцом и которого я также считаю близким мне человеком...

Зина, когда переехали в Минск, долгое время работала в Ботаническом саду, поэтому я называл ее не иначе, как барышней-крестьянкой — и в городе, и на земле трудилась — и еще трудяжкой: она и поработать успела, и деток вырастить, сейчас с внучками нянчится, дачу превратила в цветущий уголок на радость нам и соседям... Мы сорок лет вместе, и это с моим-то характером! Все-таки я не подарок, по характеру жестковат и груб бываю, и тем не менее Зинаида Григорьевна — полномостная хозяйка в нашем доме, тут уже я не ведущий — я ведомый. Но могу откровенно сказать, что не ошибся в своем выборе — состоялась наша жизнь и неплохо состоялась, все-таки столько лет вместе. А дальше — сколько уж Господь пошлет. Кто-то, конечно, первым уйдет. Хотя Зинаида Григорьевна говорит мне в таких случаях: «Не смей!» Однако я ни раньше, ни теперь не задумывался, сколько же отпустит мне Господь времени на земле. О смерти не думаю. Я никак не могу согласиться с тем, что нахожусь в чьей-то воле, что

кто-то руководит мною, — я принадлежу только себе, и моя жизнь зависит лишь от меня самого. Ведь если я все-таки нахожусь в чьих-то руках, то почему этот кто-то не останавливает меня в драматические минуты?.. Я воспитывался не только в атеистической среде, но и в очень жесткой атмосфере, когда сам должен был принимать решения и не перекладывать ответственность за них на кого-либо другого, кроме самого себя, не уповать на Бога. Я не могу назвать это гордыней. Поэтому если что-то случилось — виноват я сам. Моя жизнь — это результат не чьих-либо, а лишь моих действий и помыслов. Моя жизнь — это всецело мой выбор. Я так сам себе обычно и говорю: «Это — твои решения, твои дела». Что бы ни случилось.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ДЕЛО АЛЕКСАНДРА САМАНКОВА*

В Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь защитника — адвоката Погоняйло Г. П., 220005, г. Минск, пр. Ф. Скорины, 44, ЮК Советского р-на в интересах обвиняемого Саманкова А. Г., содержащегося в СИЗО-1 г. Минска с 25 марта 1996 г., на частный протест прокурора на определение Судебной коллегии по уголовным делам Мингорсуда от 26.01.1998 г.

ВОЗРАЖЕНИЯ

Согласно указанному выше определению суда уголовное дело по обвинению Саманкова А. Г. направлено Генеральному прокурору для производства дополнительного расследования.

Принесенный на определение частный протест подлежит отклонению по следующим основаниям.

Прежде всего, необходимо отметить, что судами первой инстанции настоящее дело уже дважды направляется на дополнительное расследование. А это свидетельствует о том, что доказательствами, имеющимися в деле, предъявленное подсудимому Саманкову обвинение не подтверждено.

Представленные в деле доказательства, на наш взгляд, не отвечают юридическим критериям с позиции их достаточности и допустимости.

Саманков обвиняется в покушении на дачу взятки помощнику Президента Республики Беларусь Сазонову А. Ю. при обстоятельствах, изложенных в постановлении о предъявлении обвинения от 26.07.1996 г. (т. 2, л. д. 95) и в обвинительном заключении. Следствие исходит из того, что Сазонов, являясь должностным лицом, мог повлиять на изменение решения Валютно-кредитной комиссии (ВКК) Кабинета Министров Республики Беларусь, установившей в качестве условия открытия немецкой кредитной линии для консорциума «АУМ» наличие банка-гаранта.

Между тем, Сазонов, хотя и состоял на службе в Администрации Президента Республики Беларусь как помощник Президента, однако, он не является должностным лицом, подпадающим под критерии, указанные в примечании к ст. 166 УК РБ (в редакции Закона РБ от 15.06.1993 г.). Так, в соответствии с положением об Администрации Президента Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 30.12.1995 г. № 527

(т. 2, л. д. 21), ответственные работники структурных подразделений Администрации Президента Республики Беларусь, к которым относится и должность Сазонова, выполняют возложенные на них обязанности в соответствии с задачами и функциями структурных подразделений и должностными инструкциями. В деле отсутствует должностная инструкция на помощника Президента. Однако из указанного выше положения усматривается, что ответственные работники структурных подразделений наделены правом принимать участие в работе коллегий министерств, ведомств, совещаний, знакомиться с материалами в аппарате Кабинета Министров, министерствах, ведомствах, а также получать от них в установленном порядке материалы, необходимые для подготовки вопросов, рассматриваемых в Администрации Президента Республики Беларусь.

Таким образом, Сазонов в силу своего должностного положения не наделен правом давать распоряжения и приказы, принимать решения относительно лиц, которые не подчинены ему по службе. Он ни постоянно, ни временно, ни по специальному полномочию не занимал должности, связанной с исполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных обязанностей и не уполномочивался в установленном порядке на совершение юридически значимых действий.

О том, что Саманков знал конкретные функциональные обязанности Сазонова, отсутствие у него каких-либо возможностей самому решить вопросы по снятию контргарантий банка-поручителя, свидетельствуют его высказывания в ходе бесед с Сазоновым по данному вопросу 23.02.1996 г. и его показания в качестве подозреваемого и обвиняемого. В деле отсутствуют данные о том, что у Саманкова имелись объективные и реальные поводы к даче взятки Сазонову в размере 100 тыс. долларов США.

Следует отметить, что эту сумму Сазонов указал в своем заявлении от 21.02.1996 г. на имя председателя КГБ Республики Беларусь и в показаниях в качестве свидетеля от 27.03.1996 г. (т. 1, л. д. 2–4, 38–39). Так, в показаниях он свидетельствует о том, что «Саманков, сидя напротив меня за столом, молча взял лист бумаги, написал на нем цифры 100 000 и на английском языке слово наличными. Этим записям Саманкова я не придавал видимого для него значения и никак не отреагировал на них, так как был занят разговором по телефону. Однако для меня было ясно, что Саманков предложил мне взятку». Вместе с тем, листка бумаги, на котором была произведена Саманковым запись, Сазонов не сохранил и следствию не представил.

К показаниям Сазонова следует относиться весьма критически, так как он является лицом, прямо заинтересованным в исходе дела. При отобрании у него заявления он предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Следствие не опровергло и доводы Саманкова о том, что

*В главе «Из личного архива» сохранен стиль оригиналов.

Сазонов мог оговорить его за политические убеждения.

Как известно, в беседах Саманкова с Сазоновым речь шла о немецкой кредитной линии на сумму около 14 млн немецких марок для консорциума «АУМ». Его представители, допрошенные в ходе предварительного следствия в качестве свидетелей, Пушко и Крылович, не подтвердили, что уполномочивали Саманкова, который не являлся работником консорциума «АУМ», проводить работу в его интересах по положительному решению Правительством указанного инвестиционного проекта и не обещали, в случае успеха, выплатить какой-либо гонорар (вознаграждение).

Следствие не установило, располагал ли Саманков возможностями передать Сазонову взятку в столь огромном размере, имелись ли какие-либо объективные и реальные данные у Саманкова к этому. Материалами дела установлено, что в это время Саманков нигде реально не работал (хотя и занимал определенные должности), заработной платы не получал и такими средствами не обладал. По делу отсутствуют данные о том, что кто-то финансировал деятельность Саманкова по лоббированию чиновников по указанному выше инвестиционному проекту.

Судом объективно отмечено, что многие доказательства, которые следствие пытается использовать для обвинения Саманкова в покушении на дачу взятки, добыты с нарушением процедуры доказывания, установленной Уголовно-процессуальным кодексом и иным законодательством Республики Беларусь. Так, принимая устное заявление Сазонова о готовящемся преступлении с соблюдением требований ст. 107 УПК, сотрудники КГБ в нарушение ст. 3, 108 того же кодекса не приняли решения о возбуждении уголовного дела в отношении Саманкова в установленных законом сроки.

Нарушая гарантии законных прав и свобод граждан и вопреки требованиям закона о предупреждении и пресечении преступлений (ст. 3 Закона РБ «Об оперативно-розыскной деятельности», ст. 2, 112), сотрудники КГБ склонили Сазонова к сотрудничеству, установили в его служебном кабинете аудио- и видеозаписывающую технику, тайно прослушивали телефонные переговоры граждан в целях «своевременного пресечения преступления и формирования базы доказательств», как это указано в постановлениях председателя КГБ Республики Беларусь от 22.02.1996 г., № 1266–1267.

Представленные по запросу суда указанные выше постановления руководства КГБ о проведении оперативно-розыскных действий, санкционированные Генеральным прокурором, подтверждают, что мероприятия по ОРД по настоящему делу проводились в нарушение Конституции, ч. I ст. 9 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», п. 5 ч. I ст. 24 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь». Ссылки в постановлениях на внутриведомственный совершенно секретный приказ лишь подтверждают продол-

жающуюся еще практику сбора информации о гражданах, противоречащую Конституции Республики Беларусь, международным обязательствам государства в области прав человека.

При проведении тайных видеозаписей встреч и бесед Саманкова и Сазонова в целях защиты от изменений содержания информации на видеокамере, установленной в служебном кабинете Сазонова, не был выставлен таймер времени (число, месяц, год, секунды), за исключением видеозаписи операции по «захвату». Это привело к тому, что, умышленно или по небрежности, видеозапись беседы Саманкова и Сазонова, происходившей 23 февраля 1996 г., фигурирует в деле как происшедшая 23 марта 1996 г. (см. протокол осмотра 4-х видеокассет от 29.04.1996 г. и постановление о признании предметов вещественными доказательствами, т. 1, л. д. 116–118), что существенно искажает фактическое развитие событий.

Так, в своих показаниях Сазонов отмечает: «Очередная встреча с Саманковым состоялась 23 февраля...» (т. 1, л. д. 38–39). Как видно из материалов дела, дата 23 марта 1996 г. (суббота) максимально приближена к дате захвата — 25.03.1996 г.

В материалах дела отсутствуют видеозапись и фонограмма аудиозаписи беседы Саманкова и Сазонова, проходившей 5 марта 1996 г. Об этой встрече говорят в своих показаниях как Сазонов, так и Саманков. Анализ фонограмм аудиозаписей также подтверждает такую встречу. Объективно о ней свидетельствуют данные о выписке пропуска в Резиденцию Президента по улице К. Маркса, 38 в г. Минске на имя Саманкова 5.03.1996 г.

Суд признал установленным, что КГБ не передал органам следствия все имеющиеся у него аудио-, видеозаписи встреч, бесед и телефонных переговоров между Саманковым, Сазоновым и другими лицами. Это лишает суд возможности объективно и полно исследовать материалы дела, дать правильную оценку доводам одного и другого и вынести справедливое и законное решение по предъявленному Саманкову обвинению.

О том, что по делу не исключена фальсификация материалов, зафиксированных на аудио-, видеозаписях, свидетельствует следующий факт. Свидетель Минченко В. М. — сотрудник КГБ, непосредственно руководивший проведением мероприятий по ОРД, показал, что, исходя из анализа всех высказываний Саманкова, он думал, даже утвердительно заявлял, что он (Саманков) даст Сазонову только 15 тыс. долларов (т. 2, л. д. 74–75).

В ходе допросов Сазонов также утверждал: «...При наших последующих встречах Саманков говорил о моем вознаграждении... как предоплате в процентах, где-то в сумме 15 тыс. долларов» (т. 2, л. д. 16–19). Однако ни на одной из представленных фонограмм таких разговоров не зафиксировано. С учетом этих данных, а также показаний свидетеля Минченка относитель-

но согласованной якобы с Саманковым сумме взятки в 15 000 долларов США, приведенных выше, представляются необидительными и явно надуманными утверждения того же Минченка о том, что «...мы вынуждены были придумать условную фразу для Сазонова, которую он должен был внятно произнести, если вдруг Саманков достанет деньги в качестве взятки и начнет ему эти деньги давать. Эта фраза звучала так: “А сколько тут, пятнадцать, ты считал сам? Пересчитывал?”». Именно такую фразу и произносит Сазонов в ходе передачи Саманковым денег 25.03.1996 г. Напрашивается вопрос, нужно ли было заучивать Сазонову какую-либо условную фразу, если все происходящее в кабинете сотрудники КГБ наблюдали по монитору и сразу после передачи пакета с деньгами провели так называемую операцию по захвату Саманкова.

Прослушивание телефонных разговоров граждан, указанных в материалах дела, проводилось в помещении КГБ с 23 февраля по 25 марта 1996 г. с помощью средств связи, а в последствии фонограммы разговоров были перенесены на 4 компакт-кассеты. Оригиналы же записей телефонных переговоров, по сообщению руководства КГБ, были уничтожены.

Принимая во внимание, что ч. 1 ст. 170 УК в соответствии со ст. 7 не отнесена к тяжким преступлениям, следует признать, что прослушивания, затрагивающие тайну телефонных переговоров граждан, проводились с нарушением ст. 9 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Можно предположить, что именно в связи с допущенными грубыми нарушениями закона при собирании и закреплении доказательств следствие не проводило фоноскопическую экспертизу для исследования сведений, кому принадлежат голоса и фразы, зафиксированные на фонограммах аудио-, видеозаписей, не имеет ли место монтаж этих записей, привнесение изменений в процесс записи или после записи и т. д.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь в приговоре от 10.02.1992 г. по делу Гмызы Ю. Г., Военная коллегия Верховного Суда Республики Беларусь в приговоре от 6.12.1995 г. по делу Хроменкова Э. Р. и др. отметили, что приобщенные к делу материалы о прослушивании телефонных переговоров и другие мероприятия по проведению оперативно-розыскных действий, добытые с нарушением установленного законом порядка, не могут быть использованы в качестве доказательств. Эта позиция Верховного Суда в полной мере соответствует требованиям ст. 27 Конституции Республики Беларусь, ст. 62, 64, 302 УПК о том, что доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. Поэтому все материалы по проведению ОРД, представленные сотрудниками КГБ по обвинению Саманкова, и следственные действия по их процессуальному закреплению, на наш взгляд, не могут быть признаны доказательства-

ми, так как добыты с нарушением установленной процедуры доказывания.

В своих показаниях Сазонов утверждает, что после написания заявления от 21.02.1996 г. «...работники КГБ сказали мне, чтобы я продолжал встречаться с Саманковым... пояснили, чтобы наметнул Саманкову на противоправность его действий о даче взятки». Свидетель Минченко показал, что «...после принятия заявления от Сазонова, я его детально проинструктировал, как вести себя с Саманковым... мы ему говорили, чтобы он наметнул ему, что предлагая взятку, он совершает неправомерные действия и лучше ему от этой затеи отказаться» (т. 2, л. д. 74–75).

Однако в представленных сотрудниками КГБ материалах, в фонограммах аудио- и видеозаписей ни одну из фраз, произнесенных Сазоновым, нельзя расценить (даже с большой долей фантазии) как предупреждение о недопустимости или неправомерности действий Саманкова по предложению и даче взятки должностному лицу. Напротив, характерными были следующие зафиксированные фразы Сазонова (из фонограммы беседы Сазонова и Саманкова 23.02.1996 г. М. 1 — Саманков, М. 2 — Сазонов):

«М. 2 — Тогда так и договариваемся... давай тогда сделаем таким образом, решай свои вопросы, выходи на меня. Я вернусь 1-го и выходи на меня после 1-го числа, чем быстрее, тем лучше. После 1-го числа и договоримся.

М. 1 — А уже какая-то предварительная работа проведена, уже с кем-то переговорил? Я тоже должен знать, потому что я дернул там в Германии людей.

М. 2 — Естественно, я же не сидел столько времени.

М. 2 — Конечно, надо прорабатывать... правильно, серьезные везде люди... будет день, будет пища... я понимаю это, поэтому давай делать, как договорились... я серьезный человек, мне все понятно, поэтому делай свою часть. 1-го числа я появлюсь... и решаем все остальное».

В судебном заседании Сазонов признал, что в ходе этой встречи именно он перевел разговор о деньгах, о даче взятки, которую ему якобы обещал передать Саманков при встрече и разговоре в его служебном кабинете 7.02.1996 г.

Искусственно созданные Сазоновым и сотрудниками КГБ обстоятельства, в данном случае путем провокации, не могут служить, по нашему глубокому убеждению, доказательствами обвинения в передаче Саманковым взятки, они недопустимы по этическим нормам и всегда признавались преступлением, как любая иная фальсификация доказательств. Виновные в этом лица несли ответственность за должностные преступления или преступления против правосудия.

Следует отметить, что в Уголовном кодексе Белорусской ССР (в редакции 1928 г.) в ст. 209 предусматривалась уголовная ответственность за подбные действия должностного лица: «Умышленное создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение

взятки в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку (провокация взятки), влечет...» Подобная фальсификация доказательств опасна для правосудия прежде всего тем, что она может привести к вынесению ошибочного и тем самым незаконного приговора по делу (см. также ст. А. Добродея «Провокация взятки» // Судовы веснік. 1997. № 4. С. 45).

Следует отметить, что предварительное следствие по делу проводилось необъективно, предвзято, с обвинительным уклоном, с нарушением норм УПК. Так, при задержании Саманков просил допустить и настаивал на участии в деле избранного им защитника (т. 1, л. д. II). Несмотря на это, 5.03.1996 г. в 16.30–17.20 Саманков допрашивался следователем Фалюком в качестве подозреваемого в присутствии надзирающего прокурора Суховерха без адвоката. Жалобы Саманкова о незаконном уголовном преследовании и о прекращении дела на имя Генерального прокурора и ответы по ним к материалам дела не приобщены, хотя имеют процессуальное значение, что свидетельствует о нарушении его права на защиту.

В определении Судебной коллегии указаны и другие нарушения уголовно-процессуального законодательства, препятствующие рассмотрению дела в суде. Вместе с тем, следует отдавать себе отчет в том, что сотрудники КГБ и Генпрокуратуры вряд ли представят материалы, полученные в ходе ОРД, которые объективно не вписываются в их обвинительную версию.

При таких обстоятельствах суд кассационной инстанции вправе оценить имеющиеся в деле доказательства прежде всего с позиции их достаточности и принять по нему окончательное решение. По мнению защиты, доказательствами, рассмотренными судом первой инстанции, предъявленное Саманкову обвинение не подтверждено в силу недостаточности этих доказательств. По нашему мнению, нет оснований для производства дополнительного расследования, так как исчерпаны все возможности для собирания доказательств. Нет оснований и для нового судебного рассмотрения дела. В силу изложенного оно подлежит прекращению за отсутствием события преступления (п. 1 ст. 5 УПК). Правила, изложенные в ст. 208, 236, 357 УПК, дают основания суду кассационной инстанции вынести решение о прекращении дела.

На основании изложенного, и руководствуясь ст. 340, 341, 347, 357 УПК Республики Беларусь,

ПРОШУ:

Частный протест прокуратуры г. Минска оставить без удовлетворения; определение Судебной коллегии Мингорсуда от 26.01.1998 г. по настоящему делу отменить и дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием события преступления.

Адвокат

Погоняйло Г. П.

Машинопись. Завизированная копия. Архив Г. Погоняйло.

Дед по материнской линии
Филипп Николаевич Моронко.
Инженер-путеец,
один из руководителей
Либаво-Роменской железной дороги.
Умер в 1912 г.

Бабушка по материнской линии
Ядвига Владиславовна
(в девичестве Яцунская)

Мама Лидия Филипповна
и сестра Галина. 1954 г.
Мама сразу после отбытия
15 лет наказания
в Архангельской области

Иван Федотович Погоняйло
незадолго до ареста в 1937 г.
Впоследствии расстрелян.
В 1957 г. реабилитирован

Иван Федотович Погоняйло —
супруг Лидии Филипповны.
Подследственный по делу
И. Уборевича. 1930 г.

Супруги Погоняйло
с сыном Дмитрием и дочерью Галиной

Группа детского сада на территории лагеря
в районе станции Плесецкая Архангельской области.
В верхнем ряду крайний справа — двухлетний Гарри Погоняйло

Детский дом в пос. Погорелое
на станции Ивакша Архангельской области.
В третьем ряду крайний справа — третьеклассник Гарри Погоняйло. 1954 г.

Семейное фото. В верхнем ряду — сестра Галина с мужем.
В нижнем ряду слева направо: Гарри, Лидия Филипповна,
брат Георгий. Симферополь. 1956 г.

Гарри Погоняйло —
выпускник
школы-интерната № 2
г. Симферополя.
Фотография
для школьного альбома.
1961 г.

Гарри Погоняйло на тренировке во время прохождения срочной службы. Краснознаменный учебный центр истребительной авиации войск ПВО. Село Саваслейка Выксунского района Горьковской области. 1963 г.
На штанге — 65 кг, под штангой — 52 кг

Студент 2-го курса юридического факультета БГУ Гарри Погоняйло на практике в прокуратуре Заводского района г. Минска. 1966 г.

Рядовой Погоняйло после окончания школы младших авиационных специалистов. Май 1963 г.

Регистрация бракосочетания Гарри Погоняйло и Зинаиды Белецкой. Быхов. 3 марта 1973 г.